

ТОВАРИЩ МИЛИЦИЯ

*Очерки
о
пермской
милиции*

ТОВАРИЩ МИЛИЦИЯ

*Очерки
о
пермской
милиции*

Пермское книжное издательство 1976

**T50
34C33**

Составитель Н. Вагнер

© Пермское книжное издательство. 1976 г.

Т $\frac{10903-83}{M152\{03\}-76}$ 8-76

ОТ ПОКОЛЕНИЯ К ПОКОЛЕНИЮ

Почти шестьдесят лет отделяют нас от 10 ноября 1917 года, и чем дальше во времени мы отходим от дня рождения советской милиции, тем больше выступает ее огромное значение в общественно-политической жизни нашего социалистического государства.

За эти годы в рядах советской милиции прошло несколько славных поколений ее сынов и дочерей, и каждое из них внесло в историю службы общественного порядка свой бесценный, незабываемый вклад. Работники милиции всегда были негибкими борцами за торжество коммунистических идеалов, демонстрировали удивительную силу духа, проявляли жгучую ненависть к врагам Советской власти.

Создание и укрепление советской милиции неразрывно связано с именами В. И. Ленина и его соратников: Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, М. И. Калинина, К. Е. Ворошилова, Г. И. Петровского, Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова.

Советская милиция развивалась и крепла благодаря повседневной заботе и вниманию Коммунистической партии Советского Союза. Партия четко определила место милиции в государственной системе Страны Советов, роль и значение ее деятельности по охране социалистической и личной собственности граждан, защите их законных прав и интересов от преступных посягательств.

Одним из боевых отрядов советской милиции является милиция Пермской области. От марта 1917 года, когда в Прикамье организовались первые дружины народной милиции, и до наших дней солдаты порядка с честью выполняют свой почетный и ответственный долг.

Никогда не была легкой милицейская служба, но особые трудности легли на плечи первых защитников советского правопорядка.

Вспоминается рассказ начальника Пермской губернской милиции Ивана Николаевича Николаева о событиях 1920 года:

«Неспокойно было в Прикамье в то время. Из городов и сел нередко поступали донесения об убийствах, грабежах, о бандитских разгулах. Одно такое сообщение пришло из далекой Чердыни. Группа пермских милиционеров верхом на лошадях выехала для ликвидации банды. Несколько молодых чердынцев проводили отряд к лагерю бандитов. Четыре дня шла упорная перестрелка. Из отряда милиции осталось меньше половины. Окружить и окончательно разбить банду помогли местные жители».

В те времена лошадка была основным видом транспорта. Сегодняшняя милиция оснащена новейшими видами различных автомашин и мотоциклов, воздушных и водных транспортных средств, точнейшей аппаратурой. Особой оперативностью в предупреждении и раскрытии преступлений отличаются подвижные милицейские группы — ПМГ, готовые в любую минуту выехать к месту происшествия. Первые поколения советской милиции могли о таком только мечтать. Однако, несмотря на невероятные трудности, они высоко пронесли славу пермской милиции через годы первых пятилеток и годы Великой Отечественной войны.

За героические подвиги на фронтах, за безупречный труд в тылу тысячи работников милиции награждены орденами и медалями Советского Союза. Мы гордимся нашими героями и свято чтим память тех, кто отдал свою жизнь за счастье людей. На мраморном мемориале в Управлении внутренних дел увековечены имена тридцати трех наших товарищей по оружию. В их числе инспектор уголовного розыска С. А. Черных, который в марте 1929 года погиб при задержании бандитской группы в Перми. В их числе инспектор-дежурный Чусовского отдела внутренних дел капитан милиции Илья Васильевич Макаров. Он погиб на боевом посту в декабре 1968 года. Каждый из наших безвременно ушедших товарищей до последнего дыхания был предан своему делу.

Сегодня будни милиции по-прежнему полны примеров отваги и героизма. Мы говорим: «Милиция всегда

на боевом посту». Повседневная служба — это боевая служба. Она полна опасности и риска.

Глубокой ночью группа сотрудников Лысьвенского отдела внутренних дел выехала на место происшествия: вор проник в помещение столовой. Преступник оказал вооруженное сопротивление. Один из милиционеров был ранен. В схватку вступил шофер-милиционер Г. М. Крапивин. Преступник схватил топор и, размахивая им, пытался скрыться, но, умело действуя, Геннадий Михайлович его обезоружил. На счету шофера-милиционера Крапивина немало таких смелых поединков.

Но не только мужеством и отвагой сильна наша милиция. Она сильна умением чувствовать время, подхватывать все новое и передовое в милицейской практике, использовать технические достижения, обеспечивающие успех в работе.

За последние годы заметно изменилось лицо пермской милиции. Ее ряды пополнились сотнями молодых коммунистов, комсомольцев и передовых рабочих, рекомендованных трудовыми коллективами. Партийные и советские органы повседневно заботятся об укреплении кадров милиции, об улучшении условий их труда и быта. По-новому встают перед работниками милиции и задачи повышения общей культуры, грамотности, воспитанности. Это обусловлено развитием нашей общественной жизни, культурным ростом всего советского народа.

В условиях научно-технической революции многократно возросла в работе милиции роль науки и техники. Широко используются достижения физики, химии, биологии, медицины. Органы внутренних дел получили разнообразную криминалистическую, оперативную и электронную технику. Например, совсем еще недавно государственные объекты с материальными ценностями охранялись только людьми. Теперь им на смену пришли электронные сторожа, умело управляемые специалистами. Много разнообразных технических новинок используется в работе государственной автомобильной инспекции области.

Сегодняшних работников милиции отличает стремление высокопрофессионально и творчески решать служебные вопросы, умело руководить людьми. Более двадцати лет назад рядовым милиционером начал свою работу в органах внутренних дел Юрий Алексеевич Федоров. Буквально с азов постигал он секреты милицей-

ской службы, настойчиво учился. Ныне полковник милиции Ю. А. Федоров — начальник Ленинского отдела внутренних дел, заслуженный работник МВД СССР, награжденный несколькими правительственными орденами и медалями. Не раз был отмечен наградами и возглавляемый им коллектив.

В Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXV съезду партии было сказано: «...Мы уделяли и будем впредь уделять постоянное внимание совершенствованию деятельности **милиции, прокуратуры, судов, органов юстиции**, которые стоят на страже советской законности, интересов советского общества, прав советских граждан. Партия, государство высоко ценят нелегкий и почетный труд работников этих учреждений, заботятся о том, чтобы их состав пополнялся подготовленными, достойными кадрами».

Работники советской милиции всегда чувствуют требовательное и внимательное отношение партии к их деятельности. Заботой о совершенствовании роли милиции в жизни нашего общества проникнуты все постановления ЦК КПСС и Советского правительства по вопросам укрепления правопорядка и социалистической законности.

Особое значение имеют для нас такие документы, как Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 года «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью» и новое Положение о советской милиции.

В ответ на заботу партии и правительства сотрудники пермской милиции торжественно поклялись в преданности своему народу, социалистической Родине и делу коммунистического строительства. Принятие нового текста Присяги, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 октября 1973 года, явилось большим событием в жизни каждого работника милиции.

Пермская милиция богата замечательными людьми, которые отдают все силы и знания борьбе за образцовый общественный порядок и высокую культуру в городах и поселках. Во время присяги Родине и народу твердо звучали их голоса: «Я клянусь быть честным, мужественным, дисциплинированным, бдительным работником, образцово нести службу и строго соблюдать социалистическую законность». Каждый четвертый в наших рядах является отличником милиции.

Молодая смена бережет славные традиции чекистов-ленинцев, перенимает и обогащает опыт ветеранов.

Участковые инспекторы Индустриального отдела внутренних дел города Перми комсомольцы В. Л. Федорец и В. А. Логинов работали на смежных участках. Изучив передовой опыт милиции других городов, глубоко проанализировав оперативную обстановку на своих участках, они пришли к мысли об объединении сил и средств. С помощью партийных и советских органов они получили хорошее служебное помещение. В нем объединились штаб добровольной народной дружины, совет микрорайона, депутатская группа, товарищеский суд, комсомольский оперативный отряд и внештатные сотрудники милиции. Работу в микрорайоне организовали единым фронтом, по совместному плану мероприятий и под руководством парткома нефтеперерабатывающего комбината, партийная организация которого шефствует над микрорайоном. В мае 1973 года возник этот опорный пункт и стал подлинным центром всей воспитательной и профилактической работы по месту жительства.

Сейчас в области около двухсот таких опорных пунктов охраны порядка. Практика показала: там, где они успешно действуют, заметно укрепился общественный порядок. В комплексе профилактических мероприятий опорного пункта одним из основных направлений является борьба против пьянства как главной причины большинства преступлений и правонарушений. Значительное внимание уделяется профилактике правонарушений. Организация опорных пунктов имеет большое будущее, процесс их создания идет повсеместно.

Массовый характер приняло в области соревнование за звание предприятий и населенных пунктов образцового общественного порядка и высокой культуры, начатое по инициативе трудящихся города Губахи. Это патристическое движение объединяет усилия многих организаций, мобилизует общественность и органы внутренних дел на решение задач по борьбе с правонарушениями в широком плане, утверждает принципы коммунистического быта и морали.

Цель этой книги заключается в том, чтобы показать людей мужественной профессии нескольких поколений.

За плечами Михаила Петровича Каганца уже двадцать лет службы. Начал он с должности милиционера Лысьвен-

ского отдела внутренних дел, а продолжает участковым инспектором. Валентин Яковлевич Коневских пришел следователем в отдел Управления внутренних дел в 1963 году, после окончания юридического факультета Пермского государственного университета имени А. М. Горького. Большой вклад в работу милиции внесли Таисия Андреевна Герасимова, Григорий Андреевич Галка, Павел Алексеевич Пелевин, Евгений Николаевич Шайдуров и другие герои книги. Многие из них после описанных событий занимают новые должности, носят более высокие звания.

По-разному сложилась их жизнь, разными путями пришли они в милицию, но с одинаковой ответственностью выполняли и выполняют свой высокий долг — твердо стоять на переднем крае борьбы с правонарушениями, охранять народное добро, новую жизнь и коммунистическую мораль.

Н. Вагнер, Н. Рассудихин

ОГНИ ОПОРНОГО ПУНКТА

Улица Чайковского мало чем отличается от других, возникших за последние годы в новом, Индустриальном районе Перми. Светлые фасады домов уходят от корпусов современного предприятия к центру поселка. Дома одинаковы, но по вечерам подъезд одного из них особенно ярко освещен.

Здесь расположен опорный пункт общественности и милиции.

Теперь уже нет нужды объяснять, что такое опорный пункт и на кого именно опирается в своей сложной и ответственной работе наша милиция. Опорные пункты широко входят в жизнь. Насколько же действительно ведут они профилактику правонарушений, как удается им стать центрами огромной воспитательной работы?

Побываем на опорном пункте на улице Чайковского. Нас познакомит с его работой участковый инспектор Николай Григорьевич Поздняков.

По всему видно, что человек этот очень энергичен. Говорит быстро и четко, легко ориентируется в разговоре.

Это один из лучших участковых в районе. Ему присуждено второе место. Первое — у Тахави Закиевича Сальманова.

— Вот это комната внештатных участковых инспекторов, — ведет по опорному пункту Поздняков. — Знакомьтесь: Сергей Андреевич Лиллосон.

Из-за стола поднимается высокий худощавый человек. На первый взгляд ему лет шестьдесят. Позже мы узнаем, что семьдесят семь. Какая у Сергея Андреевича выправка, как он подтянут, интересен в разговоре! А рассказать ему, конечно, есть о чем. Большой боевой и трудовой

путь за плечами этого старого коммуниста. На заре Советской власти служил в ЧК, воевал с белобандитами. Он и сейчас в строю: более десяти лет выполняет сложные обязанности общественного участкового инспектора. В отсутствие лейтенанта Позднякова Сергей Андреевич Лиллосон, Павел Александрович Наугольных, Михаил Владимирович Прохоров и другие общественные инспекторы успешно проводят инструктаж дружинников, определяют им задания, контролируют лиц, состоящих на учете, сами идут в патруль.

— А вот здесь владения Николая Григорьевича Костина, председателя совета общественности.

Вслед за Поздняковым войдем в просторную светлую комнату. У окна письменный стол, вдоль стен стулья, цветы.

— В совете состоят многие активисты района, в том числе депутат горсовета Геннадий Константинович Городков, — рассказывает Николай Григорьевич. — Заместителем председателя избрали меня.

Поздняков показывает одну за другой комнаты товарищеского суда, штаба дружины микрорайона, комсомольского оперативного отряда, детскую комнату милиции.

— Как видите, с помощью партийной организации нам удалось создать целый комплекс общественных органов. Они и составляют опорный пункт. Теперь прошу ко мне. У меня тоже есть комнатуха...

Здесь есть все необходимое для четкой оперативной работы: стол, телефоны, библиотека правовой литературы, шкаф, где хранятся отпечатанные типографским способом паспорта на каждый дом микрорайона. По такому паспорту можно быстро найти любого проживающего на участке человека. Был такой случай: приехала издалека старушка, искала дальнюю родственницу, да адрес затеряла, а дома стоят часто и все похожи один на другой... Поздняков перелистал несколько паспортов, нашел старушке ее родственницу, даже проводил в нужный дом. А уж коснись дело чрезвычайного происшествия — паспорт послужит лучшим путеводителем.

— Впрочем, людей мы знаем и без картотеки, — говорит Поздняков. — Она больше нужна нам для плановой работы со всеми, кто нет-нет да и нарушает общественный покой. Именно знание людей приносит успех нашему совету.

Одна из основных его забот — индивидуальная работа с людьми.

Поздняков на минуту задумывается и говорит, наверное, самое сокровенное:

— Человек ведь, какой бы он ни был, все равно человек, и, если он оступился, ему надо помочь найти главное в жизни. Один вот работает, а работу свою не любит. Другого вообще ничто не интересует. Вот и надо понять: что же, в конце концов, не хватает человеку? Иначе он просто-напросто скатится...

— И как помогает в этом совет микрорайона?

— О, еще как помогает! Сразу всего и не расскажешь. Общественники доходят до каждого неустойчивого человека. Бывают у него дома, говорят с его родными, друзьями, товарищами по работе, вызывают на заседания совета. Здесь идет постоянный воспитательный процесс, направленный на превращение тунеядцев, злостных пьяниц, хулиганов в сознательных тружеников. На заседаниях совета обсуждается и работа секций, в том числе — по работе с подростками.

Однако сегодня Николай Григорьевич спешит: на участке проводится рейд по контролю за выполнением Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». Заместитель начальника уголовного розыска по профилактике Виталий Петрович Хрипченко и участковый инспектор уже обстоятельно проинструктировали внештатных инспекторов и комсомольско-оперативный отряд. А в сто седьмой магазин, где постоянно нарушается порядок продажи спиртных напитков, Поздняков вместе с общественниками отправляется сам.

На улице он продолжает разговор о подростках:

— Ребята у нас растут славные. Ведь только подумать: через три-четыре, через пять лет не кто-нибудь, а они встанут к станкам, пополнят ряды Советской Армии, придут в лаборатории, в те же школы, только уже не учащимися, а учителями. Смена растет крепкая, но... Без «но» пока не обходится. Не секрет ведь, и подвыпивших подростков вам приходилось встречать, и более серьезно оступившихся несовершеннолетних преступников. Но ведь ничто не возникает из ничего. У любого проступка есть какой-то вполне определенный исток. Нащупывать исти-

ны, выяснять причины, предупреждать правонарушения — вот наша главная задача. Не будет причин — исчезнут и преступления.

Поздняков сказал очень верные слова, но хочется узнать, как подтверждаются они жизнью и работой самой милиции, опорного пункта.

В опорном пункте можно услышать не одну и не две, а множество историй о том, как общественность и милиция спасали ребят, которые могли встать на путь преступлений и не встали на него, могли опуститься, оказаться алкоголиками, но избежали этой трагедии.

Вот одна из таких историй. Рейд общественников и сотрудников милиции завершился поздно. На улицах тихо, спокойно. Но что это?.. Из-за дома к автобусной остановке шли, покачиваясь, двое парней. Одного из них — семнадцатилетнего Сергея Кудашова — Николай Григорьевич узнал сразу. В этой семье он бывал. Отчим Сергея пил, был судим. Ни он, ни его жена длительное время нигде не работали. Многих усилий стоило Позднякову, совету микрорайона и товарищескому суду заставить тунеядствующих родителей взяться за работу. Ведь в семье пятеро детей. И вот теперь по скользкой дорожке пошел Сергей.

На участке подвыпившие подростки вели себя вызывающе, спорили, хорохорились, доказывали свою правоту. А в чем правота? В том, что Сергей бросил училище, постоянно выпивает с другими ребятами, оказывая на них дурное влияние? В том, что бродит бесцельно по ночным улицам? Нет, доводов в свое оправдание у Кудашова не было. И вскоре он скис, замолчал. Ведь не настолько уж он глуп, чтобы не понять, что здесь, на опорном пункте общественности и милиции, ему говорят очень справедливые слова. Да и читает он немало: трудно верховодить ребятами, если не быть выше их хоть на полголовы.

Поздняков смотрит на Сергея и думает свое: не потерянный он парень, умный, начитанный. Но характер тяжел. Такого простым разговором да предупреждениями не переделаешь. А влияние Кудашова на многих ребят огромное. И опять приходит все та же мысль: ведь ничто не возникает просто так. Есть исток падения — пагубный пример семьи. Надо, видимо, снова побывать у него дома и круто говорить с отчимом. А может быть,

и вызвать его на заседание совета. Но и этого мало... Постепенно у лейтенанта возникает целый план, о котором он пока Сергею не говорит, да и не надо о нем говорить, надо действовать, помогать парню.

В следующие встречи беседы с Кудашовым и его родителями состоялись снова. По просьбе совета общественности директор училища, где учился Сергей, закрепил за ним опытного наставника. Ребята из комсомольского оперативного отряда стали постоянно контролировать, как ведут себя Сергей и его родители в быту. Но Позднякову показались недостаточными и эти меры. Человеку обязательно надо иметь какое-то увлечение, которое приносит радость, заполняет его духовный мир. И Поздняков вспоминает о музыкальных наклонностях Сергея. А что, если привлечь его к работе детского клуба «Огонек»?

И вот пришло удовлетворение, сказались заботы и хлопоты. Сергей наотрез отказался пить, вернулся к занятиям в училище и увлек своим примером других подростков, не отличавшихся ранее устойчивым поведением. А когда однажды Николай Григорьевич заглянул в клуб «Огонек», то увидел в числе оркестрантов ансамбля и Сергея.

В журнале общественного совета исчезли записи о недостойных поступках Кудашова. «Можно и снимать с учета, — подумал Поздняков, закрывая журнал. — Доброго тебе пути, парень!..»

Не одного Кудашова спас Николай Григорьевич при помощи общественности и каждый раз убеждался в верности правила, выработанного самой практикой милицеской службы: совершен проступок — ищи причину, породившую его.

Дружинники нередко встречали в нетрезвом виде подростка Женю Григорьева, да и от родителей тоже поступил тревожный сигнал о том, что их сын много времени проводит бесцельно на улице, а домой является нетрезвый. Вскоре общественники установили, что в компании, где бывает Григорьев, есть и другие несовершеннолетние нарушители порядка. Особенно выделялся среди них Степин, который бросил работу на Гознаке, часто пил и даже отбыл наказание — пятнадцать суток.

Выяснилось, что не один Степин был инициатором выпивок и других безобразий. Ниточка потянулась

дальше и оборвалась на девятнадцатилетнем Валентине Духно. Ранее он был условно осужден. Жил в отдельной квартире с матерью, которая тоже выпивала и по многу дней не появлялась в доме. Здесь и собирались подростки, здесь и набирались всего порочного, что было в избытке у Духно.

Поздняков, общественники из комиссии по работе с подростками, инспектор детской комнаты лейтенант милиции Любовь Ивановна Осокина начали долгую и настойчивую борьбу за возвращение ребят в русло нормальной жизни. Беседы на опорном пункте проходили вначале с каждым подростком в отдельности, а затем и со всеми вместе. Здесь же присутствовали родители и, конечно, общественный инспектор Сергей Андреевич Лиллосон. У него какой-то особенный, доверительный тон в разговоре с ребятами, да и не только с ними. Многие, казалось бы законченные, выпивохи и тунеядцы под влиянием неопровержимой логики Сергея Андреевича крепко задумывались над своей запутанной жизнью.

Со Степиным пришлось помучиться больше всего. И вновь «сработало» одно из жизненных правил Позднякова: мало убедить человека в том, что он неправ, надо еще дать ему вместо того, от чего он отказался, какое-то полезное дело, дело по душе. Григорьев приступил к работе, Степин вернулся на Гознак, оба бросили пить. Дисциплинированными стали и подростки, что помладше. Четверо ходят теперь в хоккейную секцию, двое занимаются в кружках художественной самодеятельности при клубе «Огонек».

Благотворное влияние детского дворового клуба, если работа его идет на высоком уровне, трудно переоценить. А клуб «Огонек», руководимый Фаиной Григорьевной Каданэр, именно таков. Здесь семнадцать кружков и секций, в них постоянно занимаются более трехсот пятидесяти ребят. Подростки приходят сюда на встречи с ветеранами труда и войны, на вечера-диспуты и просто отдохнуть, потанцевать.

— Вы только вдумайтесь, — говорит Поздняков, — сотни ребят отвлекаются от улицы, сотни заняты полезным делом, приобретают навыки, которые пригодятся в жизни.

И сразу же переводит разговор на шефов: это они по всем современным требованиям оборудовали детский клуб в первом этаже одного из жилых домов, они освободили для опорного пункта две квартиры в другом доме.

Мы вновь идем с Николаем Григорьевичем Поздняковым по улицам микрорайона. Ярко зеленеют стройные ряды топольков и лип, а в лесопарке весело пестреют шляпки детских грибков.

— Спокойнее стало у нас после того, как начал действовать опорный пункт, — говорит Поздняков. — Но я всегда, между прочим, подхожу к подросткам, побеседую с ними о том о сем. Так же и Лиллосон, и Наугольных, и Прохоров, и Осокина... И ни у кого из нас нет привычки повышать голос на подростка. Посидишь так минут десять-пятнадцать, послушаешь их новости, сам расскажешь какой-нибудь поучительный случай и идешь дальше: «Всего доброго вам, ребятки, но чтобы в десять вечера все были по домам!» И, представьте, проверишь — никого нет в неположенное время ни в парке, ни во дворе. «А курить, — говорю, — чтоб не смели. Будет восемнадцать — дело ваше. Я же не заставляю вас без шапки ходить, если на дворе мороз...»

И тут Поздняков вспоминает один из морозных дней. Градусов сорок было на улице, и вдруг — телефонный звонок. Поздняков услышал взволнованный голос домкома: группа подростков собралась в подъезде — ругаются, курят, сорвали почтовый ящик. Поздняков пригласил домкома зайти на опорный пункт часов в девять вечера. Сам же запахнул полушубок и пошел посмотреть, что натворили ребята. Они действительно там стояли, только не на втором этаже, где висят почтовые ящики, а на первом. Не ругались, не курили, все почтовые ящики — в порядке.

— Ну, что вы тут обсуждаете? — поинтересовался Поздняков.

— Да вот, Ванька с Петькой в кино ходили, рассказывают о фильме. На улице-то мороз.

— Верно, мороз. Любопытно, что за фильм. Послушаю, только не Ваньку и Петьку, а Ваню и Петю.

Постояв немного с ребятами, Поздняков пошел к себе, а ребят пригласил часиков в девять зайти на опорный пункт. Тут они в ожидании домкома и поиграли в шах-

маты, полистали журналы, все еще недоумевая, за что жалуется на них старший по дому.

— ...Прямо скажу, — улыбнулся Поздняков, — домком попал в неловкое положение. Ящики целы, ребята не ругались, не курили, просто грелись. Естественно, что он на меня накинулся: что, мол, вы меня перед сопляками позорите? А я отпустил ребят и говорю, что специально пригласил его вместе с подростками. «Во-первых, — говорю, — может быть, у вас действительно есть какие-нибудь жалобы по существу. А во-вторых — и это самое главное, — к ребятам надо относиться уважительно. И не сопляки они, а юные граждане нашей страны. Проявлять же несправедливость по отношению к детям недопустимо...» Тем более, что ребята у нас на участке теперь молодцы молодцами. И огромная в этом заслуга секции по работе с несовершеннолетними, комсомольского оперативного отряда. Они у нас служат прочным мостом между опорным пунктом и школой, между опорным пунктом и семьей.

И снова мысли Позднякова переходят к некоторым неблагополучным семьям. Внимание всех общественников опорного пункта сосредоточено теперь на них. Забот тут самых разнообразных — хоть отбавляй! Но убавить их нельзя. Нельзя, если в семье Алкиных не утихают пьяные скандалы, если по примеру отца стал пить и Раис. Его усовещивают, а он в ответ: «Почему отцу пить можно, а мне нельзя?» Общественный совет взялся за отца, секция по работе с подростками — за сына. На опорном пункте решили поддержать парня в его ссоре с отцом. Сначала «победили» отца, а потом уж повлияли на Раиса. И кончились в семье скандалы, исчезли случаи выпивки. Раис успешно заканчивает училище. Оба Алкина сняты с учета, а это большой праздник для всех на опорном пункте, потому и сама процедура снятия с учета обставляется очень торжественно. Тут и цветы, и искренние благодарности, и напутственное слово общественников.

— Вот так и работаем, — говорит Поздняков. — Преступность на участке со времени создания опорного пункта сократилась. Профилактика оправдывает себя с лихвой, да и мне на более срочную работу выкраивается теперь гораздо больше времени. Со всеми семейными неурядицами, бытовыми скандалами, жалобами успешно справляются общественные помощники.

Пришла однажды на участок некая гражданка Сатрутдинова. «Муж пьянствует, — пожаловалась она, — скандалит. Жить невозможно». Жалоба не осталась без внимания. На квартире побывали дружинники, убедились в том, что Сатрутдинов пьет и бесчинствует. На следующий день члены общественного суда пригласили этого дебошира к себе. Он не пришел, почувствовал, что пощады не будет. Вызвали вторично, и ему ничего не оставалось делать, как явиться. Заседание проходило бурно, а когда оно закончилось, Сатрутдинов зашел в кабинет Позднякова. Вспотевший и бледный, он устало присел на стул.

— Ну как? — спросил Поздняков.

— Худо. С ними там не поспоришь. Думать надо, как жить дальше...

— Думай, думай. Хуже будет, если за тебя решат другие.

Через несколько дней, встретив на улице Сатрутдинову, Поздняков заинтересовался, как ведет себя ее муж.

— Сидит, переживает...

— Ну-ну. Пусть. Передайте ему, что мы еще не раз заинтересуемся, как он все-таки решил жить дальше.

Сатрутдинов исправился. Так было и с Мартюшевыми, о пьяном разгуле которых часто сообщали Позднякову дружинники. Он и сам неоднократно заходил в этот дом и всегда сталкивался с грубыми нарушениями норм общественной жизни. Трижды обсуждали супругов Мартюшевых и их сыновей на заседаниях совета, сообщали о их недостойном поведении по месту работы, и уже совсем стало казаться, что они неисправимы.

Но общественники не отступали. Они по-прежнему посещали неблагополучную семью, вели беседы, прибегали к административным мерам наказания, и наконец Мартюшевы поняли, что жить дальше так нельзя, да и общественность не позволит.

На июльское заседание совета их пригласили уже не для обсуждения, а чтобы сообщить о доверии, огласить решение о снятии с профилактического учета. Активисты видели, как трудно было этим людям выразить свою благодарность за ту помощь, которую оказала им общественность.

— Пожалуй, самым главным итогом профилактической работы совета, — вслух размышляет Поздняков, — явилось то, что ни один из правонарушителей не обсуж-

дался повторно. О снятых с учета мы уже не беспокоимся. Как видите, возможности общественного совета огромны и очень высок его авторитет. А какую большую роль сыграли его самые различные предупредительные меры! Исключены случаи самогонварения. В школе, где случались кражи в раздевалке, обеспечена охрана одежды. В магазинах ни один продавец не отпустит спиртные напитки в неположенное время, не продаст подростку вино или сигареты. Родители или старшие по подъездам не позволяют ребятам быть на улице позже десяти часов... Забота о многодетных семьях тоже дело членов совета. Они и ремонта квартиры добьются первоочередного, и материальной помощи, и уж конечно проследят за тем, чтобы глава семьи всю зарплату приносил домой.

Поздняков говорит быстро, почти скороговоркой, — такая у него манера. Как будто хочет скорее сказать обо всем. Участок, закрепленный за ним, сложен. Здесь проживает около десяти тысяч жителей. Территория микрорайона обширна. Есть тут и продовольственные магазины, и кафе, и пивной бар, и парк. Всюду надо побывать. Ждут помощи и сотрудники уголовного розыска. И с многочисленными активистами тоже должен быть постоянный контакт. И подготовка к занятиям в университете — ведь он студент-заочник юрфака. А семья! Не успела подрасти дочка — родился сын...

В доме на улице Чайковского снова ярко вспыхнули огни опорного пункта. Не считаясь со временем, приходят сюда после рабочего дня люди, которые чувствуют личную ответственность за образцовый порядок и высокую культуру в своем микрорайоне.

ЗЕЛЕНый СВЕТ

Это было лет пятнадцать назад, но запомнилось на всю жизнь.

В тот вечер молодой лейтенант Григорий Андреевич Галка был на линии и вернулся домой усталый. Не успел он переодеться, как срочно вызвали в отдел. Жена на ходу положила в карман сверток с едой: вдруг опять до утра...

Начальник отдела как-то особенно внимательно осмотрел лейтенанта. Галка смутился: был он в телогрейке, в кирзовых сапогах и выдавшей виды кепке, словом, не по форме. Приготовился получить замечание.

— Очень хорошо выглядишь, — улыбаясь, заговорил начальник. — Домой не надо возвращаться. Через несколько минут поезд, а в нем, по всем предположениям, человек, которого ищут. Понимаешь, люди все заняты, тебе придется одному. Надо задержать преступника. — Начальник кратко перечислил приметы преступника и спросил: — Вопросы есть? Нет. Действуй. Прошу только тихо и осторожно.

Галка вышел на привокзальную площадь и растворился в толпе. В общем вагоне, куда он сел, долго искал место, но так и не нашел, зато пассажиров почти каждого увидел в лицо. Потом он осмотрел еще несколько вагонов и в одном встретил того, кого искал. Сидит на боковой полке и смотрит в окно. Серая кепка лежит на коленях, в руках трубочкой газета.

Поезд подходил к станции. За окном показались огни. Галка подошел к преступнику, загородил его от пассажиров. Почувствовав неладное, тот обернулся. Лейтенант наклонился и тихо сказал:

— Все, Куликов, приехали. Сидите спокойно. Сейчас станция, нам выходить. Только, пожалуйста, без глупостей.

Человек сидел молча и глядел на Галку, точно стараясь понять, откуда он знает его.

На станции они прошли в комнату милицейского поста.

— Вы догадались, кто я? Все же представляюсь для порядка: лейтенант милиции Галка. Ну, а вас я знаю. Сейчас давайте кое-что уточним...

Куликов отвечал на все вопросы и даже сам назвал адрес, куда ехал. Это насторожило лейтенанта, но он не подал виду.

До поезда, которым можно было вернуться в отдел, оставалось часа четыре. Время тянулось медленно. Галка почувствовал, что голоден, и вспомнил про сверток, который положила в карман жена. Один бутерброд он протянул Куликову:

— Подкрепитесь, до поезда еще далеко.

За окном с грохотом проходили товарные составы. Из соседней комнаты доносился голос дежурного, разговаривающего по телефону. Галка, чтобы не терять времени, решил позвонить в отдел и уточнить адрес преступника. Через коридор он прошел в комнату дежурного. В открытую дверь ему было видно Куликова, сидящего у стола. Разговор занял несколько минут, и, может быть, только на одну из них Галка наклонился над блокнотом, но этой минуты было достаточно, чтобы преступник успел исчезнуть, исчезнуть сразу — будто растворился.

Лейтенант выбежал, осмотрел все пристанционные постройки, вагоны, стоящие на путях. Потом он долго ходил по станции и наконец снова позвонил в отдел.

— И что вы решили? — слышится в трубке сухой голос начальника.

— Поеду в Пермь, буду искать, проверю квартиру...

По адресу, который назвал преступник, действительно проживал Куликов, только однофамилец. А может, преступник и не Куликов? Всякие мысли шли в голову, терзала досада. Галка проверил десятки поездов, много раз обошел вокзал — безрезультатно.

И вдруг звонок! Дежурный с поста Бахаревка сообщал, что к нему пришел гражданин и просит доставить его к лейтенанту Галке.

— Я сейчас приеду, — ответил лейтенант.

И вот они снова сидят рядом.

— Когда вы звонили и стали записывать, я вышел из комнаты и спрятался в лесопосадке. Я видел, как вы искали меня. Потом ночевал в каком-то шалаше и все думал: как быть дальше? Сколько ни путешествуй, а конец будет. Вот и решил вернуться, чтобы по закону, чтобы честно дожить до своего звонка. — Куликов посмотрел на лейтенанта и продолжал: — И о вас думал. Наверное, от начальства крепко попало? Все из-за меня. Вот вы ко мне хорошо, даже хлебом поделились, а я так отблагодарил. Это, выходит, во мне ничего человеческого не осталось? Понятно, на мне вина, срок имею, а вы почему за меня должны расплачиваться? У вас же служба... И решил вернуться, только к вам хотел, чтобы снять с вас неприятность.

И Григорий Андреевич задумался над сложностью человеческой натуры. Пусть у преступника свои цели, своя логика, но в зависимости от обстоятельств, от самого уклада нашей жизни появляется сила, которая заставляет его пересматривать собственные взгляды.

Преступник Куликов преподавал лейтенанту хороший урок, и это был не урок бдительности, а нечто более серьезное, заставляющее глубоко оценивать свои действия, всматриваться в чужие поступки и уметь находить в этом полезное для себя.

Каждый раз, начиная заниматься новым делом, Галка стремится думать за преступника, понять его во всех возможных ситуациях, и это помогает решать сложные задачи — иногда с несколькими неизвестными.

Одно время в поездах Свердловск — Пермь участились кражи. Пропажу обычно обнаруживали в Перми. Найти преступника не удавалось. На оперативных совещаниях, в разговорах между собой работники милиции даже начинали обвинять друг друга в пассивности.

Лейтенант Галка, анализируя оперативные сообщения, решил как можно глубже разобраться в обстоятельствах. Изучая график движения поездов, Григорий Андреевич обнаружил, что кражи происходят почти всегда в одном и том же поезде, о пропаже вещей потерпевшие заявляют в Перми. Работники линейного отдела, допросив пострадавших, не принимали энергичных мер к розыску, полагая, что кража произошла не на их участке;

свердловчане же, не получая заявлений от пострадавших, розыском не занимались. Формально были правы те и другие, а поиск оказывался в тупике.

Галка задумался: где наиболее благоприятная обстановка для действий вора? Скорее всего, это станция Шалю. Сюда поезд приходит в три часа пятьдесят пять минут. В это время пассажиры спят. К тому же сразу после отправления поезда на станцию прибывает встречный пассажирский, на котором тут же можно вернуться в Свердловск.

Поздно вечером Григорий Андреевич приехал в Шалю. Тускло светились окна вокзала. Где-то на путях пыхтел маневровый паровоз и разговаривали рабочие. До прихода поезда оставалось двадцать минут. Галка еще раз прошел по путям, заглянул в зал ожидания и вновь вышел на улицу. Справа от вокзала стояли склады, за ними начинался поселок. За путями виднелись деревья, и на фоне посветлевшего неба вырисовывались силуэты домов.

Если человек сойдет с поезда, он может идти в любую сторону и быстро исчезнуть из поля зрения. Надо было решать, с какой стороны вести наблюдение. Нет, все же вор не будет выделяться, он выйдет из вагона вместе с пассажирами.

Подошел поезд. Пассажиров было немного. Из третьего вагона вышли человек пять и направились в вокзал. Две женщины и солдат спустились с подножки шестого вагона. Галка последовал за ними в зал ожидания. В первой группе он обратил внимание на мужчину в берете и спортивной куртке, с добротным чемоданом в руке.

Мужчина небрежно поставил чемодан на диван и стал изучать расписание, затем направился к кассе и взял билет. Григорий Андреевич прошел к дежурному и попросил проверить, куда продали билет. В пятый вагон до Свердловска.

Галка уже не сомневался в своей догадке. Когда началась посадка, подозреваемый спокойно сел в пятый вагон. Лейтенант поднялся на подножку соседнего вагона и, как только тронулся поезд, устроился на свободной полке.

Утром на вокзале в Свердловске он быстро нашел в толпе пассажиров человека с чемоданом и до самой камеры хранения не спускал с него глаз. Сдав на хране-

ние чемодан, человек в берете появился на привокзальной площади. Здесь он купил газеты, выкурил сигарету, а затем поспешно сел в такси и уехал. Но это не ошеломило Григория Андреевича.

В камере хранения было установлено наблюдение. К обеду из Перми сообщили о краже чемодана и его содержимом. Без труда установили, что в камере хранения находится украденный чемодан. Теперь осталось ждать, когда преступник придет за ним. Он пришел через два дня. Ну, а дальше — обычные формальности. Вор был изобличен и признался в кражах.

Галка получил благодарность и вернулся к своим делам.

...Редкий человек предвидит обстоятельства, в которых он окажется, допустим, через два десятка лет. Григорий Галка, будучи солдатом срочной службы в артиллерийском полку, и думать не думал, что станет подполковником милиции, возглавит линейный отдел на железнодорожной станции Пермь II.

Перед демобилизацией с ним долго беседовал командир. Предложил остаться на сверхсрочную службу и за это время окончить среднюю школу.

Демобилизовавшись, старшина Григорий Галка поступил в Калининградскую школу милиции. Затем началась милицейская служба. Было всякое: один на один выходил на встречу с преступником в далеком таежном поселке, брал за руку вора на месте преступления, стыдил пьяниц за неприглядный образ жизни, направлял на путь истинный запутавшихся молодых парней.

Григорий Андреевич Галка всегда старался перенимать у товарищей все хорошее, многим, более опытным, не стыдился подражать. Сейчас у него учатся, ему подражают другие. Как отличному оперативному работнику, как коммунисту. Не раз избирали Григория Андреевича секретарем партийной организации.

Пусть тесен день, занятый многочисленными делами, но, если правильно их распределить, можно сделать больше, чем предполагаешь. Галка находит время читать и высказать свои мысли на страницах газет, выступить перед учащимися, перед рабочими, на сессии районного Совета, депутатом которого избрали его.

Был Григорий Андреевич Галка лейтенантом, инспектором; был майором, руководил уголовным розыском,

а сейчас — подполковник, начальник большого отдела, сфера деятельности которого — все Пермское отделение Свердловской железной дороги*. Это станции и полустанки, депо и вокзалы, пассажирские и товарные поезда.

Если раньше, на заре своей милицейской службы, Галка отвечал только за собственные действия, имел одну задачу, то сейчас объем его работы неимоверно возрос. Надо организовать труд коллектива, контролировать и направлять усилия всех служб и в нужное время прийти на помощь, дать деловой совет. А люди в отделе разные, у каждого свой характер, свой стиль. Галка по себе знает, что навязывать человеку мысли, заставлять его в приказном порядке отказаться от своих убеждений — дело не только бесполезное, но даже вредное. Григорий Андреевич всегда старается соблюдать необходимый такт, быть внимательным.

Часто Галка и его заместители подполковник милиции Инкин и майор милиции Маслов, оставшись втроем, размышляют, соизмеряют силы и способности сотрудников, определяют каждому объем работы. Будь то офицер или рядовой милиционер, они в равной мере чувствуют внимание начальника отдела. Как-то подполковник Инкин сказал Григорию Андреевичу, что есть на станции молодой парень, который интересуется работой милиции.

— Может, пригласить его и познакомить с нашим делом? — спросил Галка. — Понравится — предложим работу.

Эдуард Аберле охотно согласился работать в милиции. Сейчас он один из лучших оперативных работников отдела, секретарь комсомольской организации. Галка и Инкин очень довольны, что молодой сотрудник оправдал их надежды.

Хорошо отзывается Григорий Андреевич о работе начальника уголовного розыска лейтенанта милиции Юрия Головы. Он пришел в милицию с завода и за пять лет вырос до начальника отделения, стал хорошим оперативным работником.

Часто приходится слышать: опытный, хороший работник. Но, пожалуй, ни разу мне не пришлось услышать такие слова из уст сотрудников милиции. Работу своих то-

* В настоящее время Г. А. Галка переведен на работу в г. Свердловск.

варищей они оценивают иначе, находят слова какие-то более скромные, но емко отражающие суть человека.

Года три назад на станции Менделеево у одного гражданина украли чемодан и крупную сумму денег. О пропаже в отделе стало известно через полчаса, а на другой день преступник уже подписывал показания в кабинете следователя — майора милиции Николая Харитоновича Шулятьева. О Шулятьеве подполковник Галка говорит:

— Николай Харитонович... Это человек что надо! Многим нужно у него учиться.

В этих словах — и высокая похвала, и полная характеристика, и, я бы сказал, гордость начальника за людей, с которыми он работает. Вот так же уважительно и просто Григорий Андреевич отзывается о старшине Василии Ивановиче Азанове, прослужившем в милиции более двадцати пяти лет, о майоре Касимове и о многих других сотрудниках отдела. Тепло говорит о людях Галка. Может показаться, что у него нет и капельки официальности. И возникает вопрос: а как же служба? Здесь, в отделе, все на своем месте: дружба дружбой, служба службой. Требовательность — норма отношений начальника с подчиненным, и это помогает в работе, делает взаимоотношения спокойными, деловыми.

День не похож на день, и когда человек это чувствует, он не может быть равнодушным, не привыкает к недостаткам, ему не кажутся одинаковыми люди, события и он не пройдет мимо того, на что другой не обратит внимания. Это одно из замечательных качеств человека, и его довелось мне наблюдать у многих, в том числе и у Григория Андреевича. Небольшой пример из того времени, когда он был начальником уголовного розыска. Галка встретил на перроне парня, которого знал как любителя легкой жизни. В этот день парень был в новом костюме, в новой рубашке. Он поздоровался с Григорием Андреевичем и хотел пройти мимо.

— Постой, что это такой нарядный? — спросил Галка.

— Так вот, вернулся из колхоза, подработали.

Но под новой рубашкой милиционер увидел грязную майку и почему-то сразу решил проверить свое подозрение. Беседа затянулась, пришлось кое-что уточнить — и вот результат: новый костюм оказался краденым.

Что это? Стечение обстоятельств, случайность, везение или какое-то особое чутье? Скорее всего, совокупность

многих качеств опытного сотрудника милиции, и в первую очередь профессиональная наблюдательность, быстрая реакция на любые оттенки во внешнем облике и поведении человека.

Хорошее это качество — чувство постоянного беспокойства. Начиная с утренней оперативки и кончая тихими вечерними часами, подполковник Григорий Андреевич Галка — в действии, в поисках решений задач, выдвигаемых жизнью, в раздумьях, в общении с людьми, судьбы которых ему никогда не безразличны. Он старается каждому посмотреть в глаза, чтобы понять его, оценить, наставить.

Мне кажется, я знаю, о чем он думает, когда, отрешившись от шумных будней, стоит в вечерний час на перроне и смотрит на проходящие поезда, на мигание станционных огней. О людях, чей покой охраняет. Горит зеленый огонек светофора, по графику идут поезда. Огромное железнодорожное хозяйство работает в строгом ритме.

Этот ритм и порядок обеспечен тысячами людей самых разных специальностей. Среди них — Григорий Андреевич Галка и его товарищи.

ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ

Старшина милиции Алексей Николаевич Артамонов ехал в отпуск навестить сестру, с которой не виделся лет двадцать.

Известно, какое настроение бывает у отпускника. А если к этому добавить, что отдыхать собираешься после тяжелой милицейской службы, что предстоит долгожданная встреча с родным человеком, с родными местами, легко понять, как ненадолго, но, казалось бы, бесследно исчезают из памяти привычные служебные заботы. Ты вроде бы уже совсем другой человек — свободный не только от обязанностей, которым был предан ежедневно в течение года, а даже и от воспоминаний о них.

Одним словом, ты отпускник. То есть отпустили тебя. Дескать, забудь на время о работе, займись собой, своими делами и переживаниями. Побудь просто беззаботным человеком.

Так сначала и было с Артамоновым. Поездка в родные мордовские места всегда воскрешала в памяти прожитые там нелегкие годы войны.

Скоро ему уже пятьдесят, а детство он вспоминает так подробно, словно оно было совсем недавно.

Детство незаметно перешло в отрочество. юность, но память не отделяла их друг от друга, они слились как бы в одно целое...

Рос Алеша без отца. Семья — шесть человек, детишки мал мала меньше, и ему рано пришлось испытать необходимость ощущать себя не пацаном, а настоящим мужчиной, помощником матери. Длинной, почти бесконечной представляется жизнь, если помнишь ее с первых дней детства, тяжелого военного деревенского детства. Зато

и на душе хорошо: выжили, выстояли, не сдались. Вот и он нашел свое место в жизни и ни на какое другое его не променяет.

...По дороге к сестре пересадка в Казани. Обычная привокзальная толчея, но Артамонов привык к толпе, да и долгое ли дело оформить билет, дожидаться поезда и — глядеть в вагонное окно, представляя встречу.

Но о чем бы ни думал старшина Артамонов, что бы ни переживал, где бы ни находился, он подсознательно, а проще говоря, по привычке, ощущал себя всегда на службе. И сейчас, направляясь к кассам, он чувствовал неясное беспокойство, никак не связанное с поездкой, и машинально самым внимательным образом смотрел по сторонам.

Артамонов всегда доверяет предчувствиям, потому что они не только свойство натуры, но и результат многолетнего опыта. Это можно сравнить с поведением бывалого охотника, который выбирает в лесу направление, руководствуясь лишь чем-то необъяснимым: вот тянет его именно в эту сторону, и он идет туда...

Так и Артамонов на казанском вокзале шел к кассам неспешно, будто ему там и делать было нечего. Что-то удерживало его, отвлекало или, вернее, привлекало внимание.

И вдруг на мгновение он обрадовался, а в голове пронеслась насмешливая мысль: «Ах, какой хороший карманник!» Не мелочь неопытная, не просто наглец, который и «работать»-то толком не умеет, а просто нахально действует, глупо надеясь на удачу и безнаказанность. Нет, этот тип, замеченный Артамоновым, не из новичков. В одной руке у него плащ, в другой он демонстративно держит деньги: дескать, смотрите, граждане, я тоже за билетом. А сам уже одну сумочку открыл, сунул туда руку, отдернул — пусто, вот к другому в очереди прижимается...

А у Артамонова в руках тяжелый чемодан. Что делать?! На твоих глазах бесчинствует опытный карманный вор — ты же ничего не можешь предпринять.

Кражи на вокзалах особенно бесчеловечны и пакостны. Вытащить у человека деньги в чужом городе — двойная подлость. А если человек едет с детьми...

Артамонов бросился к выходу на привокзальную площадь и — вот повезло! — сразу увидел там двух местных

милиционеров, быстро представился им, объяснил ситуацию. Освободившись от чемодана, он сразу почувствовал себя во всех смыслах этого слова на привычной службе.

Убедившись, что карманник никуда не делся, Артамонов стал внимательно и хладнокровно выжидать, мысленно перебирая варианты задержания.

Карманника надо взять с поличным и при свидетелях. В этом не только сложность, но и просто неудобство. Схватил вора за руку в чужом кармане, в руке у него деньги — и тут же надо обращаться к окружающим с просьбой быть свидетелями. Иногда свидетелей можно найти заранее, объяснить им, что сейчас, мол, вы увидите, как бесчинствует жулик, помогите мне. Ведь надо не только зафиксировать состоявшуюся кражу, но и пресечь действия преступника, учесть неудавшиеся попытки кражи, чтобы иметь возможность провести действенную профилактическую работу...

«Ах, какой хороший карманник!» — опять насмешливо подумал Артамонов, уже приготовившись в нужный момент схватить его за руку. Терпение требуется, терпение... Да и себя нельзя выдавать. Опытный карманник следит не только за своей жертвой. Все его подлое существо напряжено до предела. Он уверен, что ему, по крайней мере, эта кража сойдет безнаказанно, но знает, что есть на свете недремлющий глаз милиции. Поэтому ни в коем случае не следует встречаться с вором взглядом: тот сразу сообразит, с кем имеет дело.

И если у Артамонова в голове несколько вариантов задержания, то у вора не меньше способов увильнуть, например постараться выбросить украденное...

Но вот отпускник-старшина держит руку карманника в чужом кармане. И свидетели нашлись.

Облегченно вздохнул Артамонов. Задержанный оказался действительно опытным рецидивистом.

От поезда старшина отстал, но благодарные ему сотрудники местной милиции и помогли с билетом, и номер в гостинице организовали. Неплохо начался отпуск.

Вернувшись в Пермь и выйдя на работу, Артамонов первым делом поинтересовался у товарищей:

- Ну как, Новожилова поймали?
- Пока нет.
- Ладно, я займусь.

Будто и не было отпуска, будто и не прерывалась цепь неотложных дел. Такова уж эта будничная, внешне однообразная, вроде бы совсем не героическая служба, мало кому известная. О ней вспоминают лишь тогда, когда постигнет неожиданное несчастье. Вот и раздается возмущенное:

— Куда только милиция смотрит?!

Смотрит милиция, смотрит. Но ведь лишь в плохих кино- и телефильмах милицейская служба выглядит не то, чтобы уж очень легкой, а какой-то складной, удачной. Все в таких произведениях у милиционера получается просто.

А на практике часто, чтобы пресечь самую заурядную карманную кражу, требуется немало и времени, и сил, и нервов, а главное — терпения.

В центральном универмаге «Пермь» — основном месте работы Артамонова — он однажды долго следил за безуспешно действовавшим карманником. «Деятель» это был довольно ловкий, не новичок, но ему не везло: в карманах и сумках, куда он залезал, денег не оказывалось. Тогда карманник — в троллейбус, старшина — за ним. Приехали на Пермь II. Сколько-то времени жулик, опять же безуспешно, потолкался у билетных касс. Сел в электричку. Вздохнул Артамонов и вошел в вагон. С десятка станций промелькнуло за окном, а карманник оставался ни с чем, несмотря на все усилия. Раз не везло вору, не мог задержать его и старшина. Будь это какой-нибудь новичок, давно бы уже Артамонов взял его с собой для «душеспасительной» беседы, но опытного карманника следует обезвредить — поймать на месте преступления.

Они вернулись обратно в город, и лишь здесь, у билетных касс, вор предоставил старшине возможность взять себя с поличным.

Это рядовой, совершенно будничный случай. В общем-то, вся служба из них и состоит. Но ведь бывают преступники, поймать которых — дело непростое, а иногда даже опасное. Никто, порой даже сам преступник, не знает, на что он может пойти, потеряв самообладание или струсив.

Несколько лет назад в одном магазине Артамонов заметил группу из шести карманников. Действовали они умело и активно. Надо было срочно принимать меры.

«Хотя бы одного взять», — подумал Артамонов и — взял. Он повел вора в кабинет директора, и не успели они туда зайти, как на выручку к задержанному явились остальные пятеро. Один из них моментально схватил Артамонова за горло и замахнулся ножом. Старшина вырвался, сумел отобрать нож, ударил вора в солнечное сплетение, но к нему приближались остальные.

— Стрелять буду! — крикнул Артамонов, а работник магазина уже звонил по телефону.

Словом, все обошлось благополучно.

И не один был случай, когда карманный вор оказывался вооруженным ножом или кастетом.

Артамонов за каждым вором идет до конца. Как бы ни складывались обстоятельства, он, заметив преступника, забывает обо всем на свете, кроме одного: во что бы то ни стало задержать!

Недаром один карманник со злобой сказал старшине:

— Мы тебя знаем. Ты не можешь, чтобы не поймать. Ты как морфинист. Тот без наркотиков не может. А ты не можешь не задерживать. Возьмешь нашего брата — видно, как на душе у тебя сразу легче бывает.

Что верно, то верно. Сразу на душе легче становится, когда избавишь людей еще от одного преступника.

Карманный вор — преступник несколько особый. Милиционер может знать его в лицо, знать имя, фамилию, адрес, все о нем может знать, но — взять, бывает, долго не удастся. На свободе вору бахвалятся, хамят:

— Ты милиционер — я вор. Я ворую — ты лови.

Артамонов всегда отвечает спокойно и уверенно:

— Поймаю.

И ловит.

О своей работе Алексей Николаевич рассказывает охотно, потому что любит ее, знает до тонкостей, но, понимая всю важность своей профессии, не пытается представить ее какой-то необычной, особенной, хотя она таковой и является. Тут уместно вспомнить старую истину: не профессия определяет человека, а человек — профессию. Обостренное чувство долга и ответственности, соединенное с убежденностью в необходимости твоего личного участия, придают большую дополнительную энергию.

И все-таки я, внимательно слушая Артамонова и делая заметки в блокноте, думал и думал о том: откуда

у него такая преданность своей работе? Почему он даже и не мыслит себя на другом месте?

Конечно, на эти вопросы можно ответить довольно просто и правильно: любая полезная деятельность приносит удовлетворение.

Но, увы, это лишь общие слова, хотя и справедливые. Ими можно удовлетвориться, когда рассуждаешь отвлеченно. Когда же речь идет о конкретном человеке, такие общие рассуждения кажутся уже недостаточными. И, беседуя с Алексеем Николаевичем, я ловил себя на одном недоуменном вопросе. Ладно, работа его необходима обществу. Работу эту он любит. Немного неуклюже выражаясь, недоуменный мой вопрос сводился к следующему: почему именно он любит именно эту работу? Ответ был для меня очень важен. В нем, на мой взгляд, кроется одна из самых существенных черт деятельности любого специалиста.

Представьте себе: каждый день, изо дня в день тратить всего себя на то, чтобы схватить карманника за руку. Долгими часами, а то и днями ходить за ним следом. Ведь все это может делать просто исполнительный, но довольно равнодушный службист. А старшина Артамонов живет своей работой. Она для него дело всей жизни.

Откуда это?

Признаюсь, что такого вопроса я Алексею Николаевичу не задавал, ответ искал сам. Вообще-то я бы мог обойтись красивым, убедительным, хоть довольно неопределенным понятием: призвание.

Но ведь и у призвания есть свои жизненные корни. Они вырастают из чего-то конкретного. Тем более, просто о призвании в данном случае говорить нельзя, потому что на работу в милицию Артамонова направил районвоенкомат. И все-таки он, Артамонов, обрел на милицмейской службе свое единственное призвание.

Как это случилось и могло ли это не случиться?

Нет, все было закономерно и естественно. Во время войны Алеша однажды ждал свою мать, обещала она из районного центра привезти необыкновенный подарок — сушек или конфет. Вернулась она домой, сказала дрогнувшим голосом:

— Ничего, сынок, нету. Украли.

А на другой день оказался он с матерью у вокзаль-

ных билетных касс. Мать специально его сюда привела, нашла обокравшего ее, показала сыну, шепнула:

— Вот этот барин меня обокрал. Только смотреть на него нельзя, нос обрежут.

Вспоминая об этом, Артамонов весело говорит:

— Сейчас я не боюсь, что нос обрежут. — Он сразу становится серьезным и продолжает: — Я их, воров, ненавижу. С детства. Давнишние у меня с ними счеты. Дело-то было во время войны, это понять надо. А судьба нарочно не раз еще сталкивала меня с подонками. Помню, на моих глазах у старика мешок разрезали и припугнули меня, когда я крикнуть хотел. Или вот ехал продавать молоко. Уж не знаю, почему, но именно ко мне подходит один тип и спрашивает: чего, дескать, вы в лаптях ходите, а не в сапогах хромовых или валенках и не хотите ли вы кушать? Чего с мальчишки взять? Отвечаю, что, конечно, хочу. А тот и говорит, что сейчас, мол, все будет сделано, смотри. И у спящего паренька мешок украл... У другого снял валенки... Грыз я ворованный сухарь и пытался своими недоразвитыми мозгами разобраться: что же такое произошло? Но сообразил все-таки правильно, заявил в милицию. А в ушах все крик стоял. Как кричал человек, когда проснулся, а на ногах валенок нет... Так что давнишние у меня счеты с ворами. Главное, что я их понял. Всю их нечеловеческую суть.

Глубоки корни призвания Артамонова, не случайно он стал тем, кем сейчас является.

С улыбкой вспоминает Алексей Николаевич, как в юности он переживал, что ростом не вышел. Он искренне полагал, что в армию его не призывают не потому, что срок не подошел, а именно из-за маленького роста. Плотничал он, а мечтал, как все сверстники, попасть на фронт, стать бойцом.

И вот что интересно. Вся его жизнь складывалась словно по заранее кем-то намеченному плану. Через год после войны вызвали его в военкомат и предложили служить не где-нибудь, а в милиции. Сначала он работал в охране, потом постовым, уже в Перми, и, наконец, был назначен в группу по борьбе с карманными ворами.

Группой руководил майор Федор Иванович Бурцев, опытный работник, душевный человек. Он обладал каким-то удивительным умением подбирать сотрудников. Многому научился у него Артамонов.

Сейчас он и сам учит молодых в Ленинском райотделе. Да и не только здесь. Как-то командировали его в столицу одной из среднеазиатских республик, так сказать, поделиться опытом. Хорошо он там поработал: за десять дней задержал несколько крупных карманных воров. Чему же он там учил своих товарищей по работе? Самому главному — отношению к делу. Опыт, мастерство, навыки придут со временем. Надо выработать в себе правильное отношение к своим обязанностям. Нет в душе покоя, и быть его не может, потому что ходят еще по земле существа, приносящие людям горе. Об этом надо помнить не только тогда, когда ты на службе, а всегда.

Поэтому Артамонов говорит:

— Мне вот так просто по улице не пройти. Иду, вроде бы о своем думаю, а сам отмечаю, что у девушки сумка не застегнута, вон у женщины на сумке «молния» сломана. Так и хочется их предупредить! А вора я узнаю по первому взгляду. Первый раз вижу человека, а уже чувствую неладное. Почему? Как он глазами «секет», например. Нормальные люди куда угодно смотрят, а жулики только туда, откуда украсть можно. И если я такого увижу — сразу за ним, где бы я ни находился, куда бы ни шел. Не могу я не взять вора.

Вот мы и определили, как выросло призвание старшины Артамонова, как он оказался на своем месте и почему он его ни на какое другое не променяет.

Всю жизнь может прожить человек и, как он наивно полагает, не нуждаться в услугах милиции, кроме обычных случаев, вроде прописки или обмена паспорта. И невдомек такому, что всю его жизнь милиция о нем заботится. Предположим, у него ни разу не вытащили из кармана зарплату только потому, что всегда на своем посту, например, старшина Артамонов.

Люди вспоминают о милиции, когда с ними случается несчастье, тут-то они и начинают требовать исполнения главного принципа советской милиции — беречь покой граждан. А она, милиция, действительно нас бережет. Только не все мы, честно говоря, представляем, что это такое. Не все знают, насколько сложна и многообразна милицейская работа. Ведь беречь нас надо на каждом шагу, а не только тогда, когда совершено преступление.

Дело ведь не только в том, что подлая рука, предпо-

ложим, вытащит у вас деньги. Дело еще и в том, что преступники не замыкаются в своем узком кругу, они всеми силами пытаются его расширить, втянуть в него новичков.

На любом милицейском посту нужны люди, беззаветно преданные своему делу, мыслящие по-государственному, люди, для которых работа в милиции — не просто служба, а дело всей жизни. Именно таким я и узнал одного из большой армии милицейских работников старшину милиции Алексея Николаевича Артамонова.

БУКЕТ ТАВОЛГИ

Еще не стонали в небе журавли, леса не порошили багряной метелью листопада, но осень подкрадывалась — это чувствовалось и в воздухе, замешанном на густом настое ржаного поля, и в горестном шепоте усыхающей осоки, и в тонком запахе зацветшей таволги — самых распространенных в здешних местах диких цветов.

Виктор любил эти цветы особо, по-своему. Еще когда ухаживал за Леночкой, дарил их ей. И теперь, возвращаясь домой, уже по привычке останавливался у Холодной речки, спускался в пойму и набирал букет. С некоторых пор у односельчан стало приметой: цветы в коляске — управляющий едет домой.

Дни стояли тихие. Табунились скворцы, исчезали береговые ласточки — стрижи, а появлялись красновато-серые птицы: хвост с желтой полоской, крылья с белыми пятнами, на головке хохол.

«Свиристель пожаловала, от директора холодом повеяло — жди осени», — размышлял Смородинцев.

О вчерашнем дне ему все еще вспоминать было неприятно: поругался с «хозяином». Спор зашел из-за пустяков, а вылился в крупный разговор. Директор совхоза обвинял управляющего Смородинцева в сдерживании подготовки к раздельной уборке ржи. Накануне состоялось заседание бюро райкома партии — вызывали директора. «Зарядили» — теперь сам, как аккумулятор, перешел на разрядку, рвет и мечет. Кое о чем раньше надо было думать. Несдержанность директора передавалась по инстанциям дальше, словно ток электрический по цепи.

С утра Смородинцев побывал в самой далекой брига-

де — Дикой Гари — и теперь спешил в Сосновку. Мотоцикл вздрагивал на ухабах и выпиравших из земли корнях, мчался по затененной деревьями дороге. В пустой люльке перекатывался сухой букет таволги, ее мелкие лепестки высохли, осыпались и теперь, словно снежинки, метались под брезентовым пологом. Мелколесье сменилось сосняком и зубчатым ельником. Все это — и деревья, и воздух, и быстрая езда — вызывало у Виктора прилив сил. Он стал забывать о тяжелом разговоре.

Мотоцикл выскочил из леса, и дорога снова побежала по вырубке, покрытой зеленью кустарника. Впереди замаячила фигура незнакомого человека, который, очевидно, что-то хотел спросить. Виктор сбавил газ, поднял на лоб защитные очки и посмотрел на часы. Было без четверти двенадцать...

Время шло, а управляющего не было. Ждали к двенадцати, шел первый час. На Смородинцева, человека особо аккуратного, это не походило.

Вчера управляющий был взвинчен. Заметили многие.

— Что мрачен, Виктор Иванович? Уж не заболел ли? — участливо спросила учетчица Нина Бояршинова, всматриваясь в лицо управляющего. Всегда веселый — смотрел он с грустью.

— Ерунда! — отмахнулся Смородинцев. — Сводку по бригаде составила? Нет. Вот сниму с тебя тоже стружку!

— За что с тебя-то, Виктор Иванович? — не унималась Нина. — И так печешься о хозяйстве более других.

— Это мало кому известно. Не хватило корма — ты виноват. Перерасход горючего — опять ты. Иван Закруткин пьянствовал — снова с тебя спрос.

— Закруткин — пьянчужка, об этом все знают. Он и до вас таким же был, — желая смягчить разговор, Бояршинова перешла на «вы».

— Как все просто. «Все знают». Знают, а что из того? С топором не на кого-либо, а на меня бросился, когда за его жену и детишек заступился. А другие словно не видят — попрятались. Подкараулить обещал.

— Такой и подкараулит, ума хватит, да только вам такой шкет не страшен, — оглядывая сильную фигуру Смородинцева, успокоительно заключила учетчица. Внешность Виктора действительно с первого взгляда рас-

полагала к нему людей. Высокий, широкоплечий, лицо открытое, глаза смотрят на всех доброжелательно.

Не дождались управляющего в этот день и в других бригадах. Никто его не встретил в полях — у комбайнов, у складов и на токах.

Не оказалось Виктора и дома. Лена забеспокоилась. Спать она не могла.

Первым постучал в окно бригадир здешней бригады.

— Виктора Ивановича? — Лена вздрогнула. Придя в себя, она открыла форточку: — А его нет дома.

— Как это нет?!

— Всю ночь прождала.

— Эко ты.

Через несколько часов тревога летела, кружила, останавливала селян среди улицы. О таинственном исчезновении управляющего знали все бригадиры отделения, а чуть позднее узнали парторг и директор совхоза. Когда местные поиски не дали результатов, директор позвонил участковому:

— Владимир Степанович? Подъехал бы. Видать, дело-то серьезное.

Старший лейтенант Болотов уж кое-что с пятого на десятое слышал, однако подробно расспросил директора.

— Уже сутки, как нет?

— Сутки, Владимир Степанович... — подтвердил еще раз директор.

— Тогда, если есть что на колесах, подошлите за мной, а я тем временем срочно свяжусь со своим начальством.

— Посылаю!

Болотов на участке работает больше десяти лет, отлично знает всех людей. Он депутат сельского Совета, член исполкома, заместитель секретаря партийной организации отдела. Знают Владимира Степановича не только как представителя власти, но и как веселого человека, песенника.

А управляющий Смородинцев был одним из общественников участкового, внештатным инспектором. Уже на пути к центру совхоза участковый вспоминал последний разговор с Виктором Ивановичем. Речь зашла тогда о трактористе Закруткине, его неуравновешенном характере, постоянных дебошах и ссорах в семье, издеватель-

ствах над женой и детишками. Поговорили, но к решению конкретному не пришли. «А не опоздал ли я с решением-то?» — мелькнуло как-то неопределенно в его сознании.

Об исчезновении депутата райсовета Смородинцева стало известно секретарю райкома партии, и он позвонил в обком партии, а оттуда последовал звонок начальнику УВД области.

Инспекторы уголовного розыска старший лейтенант Лядов и лейтенант Мушников только что вернулись с задания, как их вызвали к начальнику уголовного розыска полковнику Вагину, вручили командировки.

— Почему такая срочность, товарищ полковник?

— Вы спрашиваете, старший лейтенант, как будто первый год в уголовном розыске. Приедете на место — лучше поймете, почему. А пока вылетайте с заданием найти человека.

— Ясно, товарищ полковник.

— Тогда ни пуха ни пера.

Свой рабочий день управляющий обычно начинал с «домашней бригады» — с Табор, потом ехал в Осиновку, Сосновку и Дикую Гарь. В то утро, которое для Смородинцева стало последним, он почему-то нарушил свой обычай и начал с конца — с Дикой Гари.

— От нас Виктор Иванович уехал в двенадцатом, — сказал бригадир Кашин. — Дал добрый совет, пожурил малость — грех у меня тут случился накануне — и уехал в Сосновку. Я его не спросил, правда, куда, но повернул он в Сосновку, это точно.

Выслушивая объяснения тех, кто видел Смородинцева в последний раз, работники милиции все больше склонялись к тому, что Виктор Иванович исчез в пути.

На совхозном «газике» они вместе с парторгом побывали во всех бригадах отделения, переговаривали с людьми и «капитально» решили начать с Дикой Гари.

— Может, вы вспомните, Владимир Иванович, всех, кто мог бы его видеть в то утро из вашей бригады, или кого других? К примеру, почтальон, доярка, шофер, тракторист? — перечислял Лядов бригадиру Кашину возможные случаи.

— Кто к примеру, говорите? — И бригадир на какое-то время задумался, перебирая что-то в памяти, —

А вот давайте Ивана спросим, он у нас хлеб в Таборы возит. Уж он-то наверняка в то утро с управляющим встречался. — Бригадир высунул лысеющую голову в открытое окно и уже там, на улице, крикнул:

— Иван, а ну иди-ка сюда!

Под окном конторы стоял грузовик. Шофер, которого звали Иваном, не торопясь, разогнулся, положил инструмент, вытер руки о мешковину и так же, не торопясь, направился к конторе.

Пока он шел, поднимался по скрипучим ступенькам крыльца, Лядов спросил бригадира:

— Давно он в совхозе?

— Вообще-то здешний, но...

— Что?

— Сам перерыв устроил.

— Сидел?

— Три года «отслужил».

Лядов еще хотел задать бригадире один-два вопроса, но открылась дверь и вошел шофер.

— Зачем звал, Владимир Иванович?

— С тобой, Иван Петрович, вот товарищ из области поговорить хочет. Присядь.

— Инспектор уголовного розыска, — представился Лядов.

При этих словах шофер несколько растерялся.

— Вы не встречались, случайно, позавчера со Смородинцевым?

— Как же, встречался, — шофер с облегчением вздохнул.

— Где?

— На дороге. После первого рейса я возвращался в Гарь. Смородинцев ехал от нас.

— Вы о чем-то говорили?

— Ни о чем. Разминулись, не останавливаясь.

— Где?

— По дороге из Гари в Сосновку.

— Точнее?

Шофер немного подумал и ответил:

— Не доезжая «девятки», если ехать от нас.

— Что это за «девятка»?

— Буровая нефтяников, ее здесь все в округе знают.

— Больше вы его в тот день не видели?

— Нет.

— Еще кого-либо встречали по дороге на этом участке?

И шофер Попов рассказал, что примерно напротив той же самой «девятки» он видел двух парней, очевидно нефтяников, которые сидели на обочине дороги.

— Может, и пастухи из Сосновки, их скот в этих местах пасется. Не рассматривал особо-то.

В течение дня ему попадались пешеходы, люди, которые ехали на мотоциклах, лошадях, знакомые и незнакомые. Один из мотоциклистов примерно в это же время вез в коляске женщину и двоих детишек.

— Мотоциклиста, что проехал с женщиной и детишками, раньше не встречали?

— Нет.

— А запомнили?

— Вроде бы черный, как цыган.

— А эти двое на обочине?

— Не разглядывал, некогда, вроде не старики, а молодые, скорее мальчишки или молодые парни, не очень рослые и чуть ли не из Татарии, хотя точно не утверждаю.

Вечером, как условились, все собрались в Дикой Гари.

Версий могло быть несколько: убили, погиб сам по неосторожности, уехал куда глаза глядят — может же прийти такая блажь в голову. В любом случае надо искать. Нужны были люди, и много.

— Люди будут, — сказал парторг, — хотя вы понимаете, какое это время — уборка.

Было принято решение создать несколько поисковых групп, территорию поделить на квадраты и обыскать весь лесной массив вдоль дороги от Дикой Гари до Сосновки, особенно в районе «девятки». Почти каждый таил надежду не просто найти, а успеть оказать помощь попавшему в беду.

Заканчивались третьи сутки. Надежды меркли, однако никто первым не хотел высказать предположение, что Смородинцева уже нет в живых, хотя эта мысль все настойчивее и назойливее сверлила мозг каждого. Только одна Лена ждала Виктора, ей казалось, что он вот-вот придет: взревет у ворот его мотоцикл, затем, чихнув два-три раза, смолкнет, стукнет щеколда, и в открытую калитку шагнет он, Виктор, увидит жену, дочку Ириночку и сам расскажет, где он был, что с ним случилось...

Лядов с двумя помощниками из Дикой Гари решил до полного рассвета изучить берега Холодной реки.

Все трое поднялись по пологому берегу, свободному в этом месте от зарослей, пересекли пыльный проселок и стали углубляться в сторону вырубок. Один из помощников, старый рыбак и охотник Симонов, выбирал проходы в зарослях молодняка, придерживал ветки, чтобы они не ударили следом идущего. Вдруг он остановил Лядова и попросил вернуться назад:

— Почему поломаны деревца в этом месте? Надо посмотреть. Судя по свежему излому веток и подвянущим листьям, здесь кто-то прошел совсем недавно. И прошел не совсем обычно. Словно тащил что. Вот смотрите.

Решили проверить. По едва заметному следу все трое прошли от дороги шагов двадцать, не более, и там, где заросли расступились, образуя небольшую поляну, из земли ударило отражение солнечного луча.

Первым наклонился и притронулся к тому, что отбросило солнечный луч, Лядов.

— Очки!

Он чуть разгреб землю — показались шлем, лицо...

— Это он, Смородинцев, — с дрожью в голосе выговорил Симонов.

Первым вышел из оцепенения старший лейтенант:

— Никуда не уходить, ничего не трогать. Охраняйте место происшествия. Ждать меня здесь, через несколько минут вернусь!

С этими словами Лядов метнулся к дороге.

Прошло не более получаса, и он возвратился с мастером с «девятки».

— Э-э, да тут... — И Симонов ткнул пальцем в какой-то серый картон.

— Стой! — Инспектор опередил Симонова и осторожно поднял из примятой травы книжку в сером переплете. — Это вещественное доказательство. — А затем так же осторожно положил на прежнее место: до приезда эксперта и следователя.

Через час с небольшим на место преступления примчались следователь прокуратуры, начальник отдела милиции и эксперт.

Яма оказалась мелкой, вырытой наспех и, судя по всему, не лопатой. Очки у Смородинцева были подняты на

лоб. Так обычно делают мотоциклисты перед тем, как остановиться и с кем-то переговорить. Сапоги с ног сняты, кинуты тут же в яме.

— Закрытая травма головы, очевидно от удара, — комментировал эксперт. — А это? — Слева на груди серая рубашка хранила расплывшееся кровавое пятно: удар ножом. — И кому ты, добрый человек, мог сделать плохое? За что с тобой обошлись, как со зверем?

При более тщательном исследовании экспертиза дала заключение, что Смородинцева убили не тупым предметом по голове и не ножом в грудь. В него стреляли из мелкокалиберного оружия. Первый выстрел угодил в висок, Смородинцев не мог сразу погибнуть, но, возможно, потерял способность защищаться. Второй выстрел был сделан в упор — с очень близкого расстояния.

Весть об убийстве Смородинцева облетела деревни совхоза с быстротой молнии. Дольше всех обходила она его родной дом.

После доклада руководству было снова выдвинуто несколько версий. Первая: Смородинцев убит из мести. Он был общественным инспектором ГАИ, и «недруги» у него, разумеется, могли быть. Другая версия: убит из-за неприязненных отношений по работе. Третья: с целью завладения мотоциклом. Еще одна: убит теми, кто раньше угонял у Смородинцева мотоцикл и был привлечен затем к суду.

Каждая из версий имела основания быть главной и в то же время отвергалась иными обстоятельствами.

Уже поздно вечером, подводя итоги дня, начальник отдела высказал мнение о несостоятельности версии, связанной с участием Смородинцева в работе ГАИ.

— А как у вас, Лев Гаврилович?

Лейтенант Мушников выяснял, не убит ли Смородинцев на почве неприязненных отношений. Всплыла стычка, которая произошла накануне между управляющим и трактористом Закруткиным, пьяницей и скандалистом. Однако Закруткин угрожал не одному Смородинцеву, а каждому, кто делал ему замечание или заступался за его жену и ребятишек в часы пьяного дебоша. В этом лейтенант убедился. Закруткин не однажды попадал в милицию, платил штрафы.

Надо было найти мотоциклиста (если он был), что проехал с женщиной и двумя детишками в то трагическое утро; найти пастухов, которые торчали в то же самое утро на обочине все той же дороги, а может быть и не пастухов? Проверить в округе все нарезное оружие. Дать возможные ориентировки во все соседние районы, в том числе в Башкирию и Удмуртию — они же рядом.

В районной газете рядом с некрологом о трагической смерти Смородинцева было помещено обращение милиции к населению с просьбой оказать содействие в розыске преступников.

Шофер из Дикой Гари, как и условились, разыскал Лядова, чтобы рассказать «кое-что дополнительно».

Он, может, не все четко заметил, однако ехавшего на мотоцикле незнакомого мужчину вспомнил: черный, очки белые, женщину не разглядел, она была в низко повязанном на глаза платке и прикрывала в люльке две детские головки.

— Цвет мотоцикла — вот как эти обои на стене. Разве чуток светлее.

— Голубой, значит?

На обочине были не пожилые, а молодые парни, скорее мальчишки. Один из них похож на татарина — «узкие глаза и скуластое лицо».

Скоро неделя, как совершилось преступление на проселочной дороге. Работники из областного управления внутренних дел ежедневно докладывали о расследовании своему начальнику — полковнику Вагину.

Положив телефонную трубку, Лядов первым начал прерванный разговор:

— Итак, пастухи?

— Нет таких пастухов, и не было.

— Таких или вообще?

— Именно таких, каких видел Попов. Личный скот действительно и накануне, и в тот день, и сегодня пасли и будут пасты, гоняли и будут гонять на Холодную речку. Но делают это сами рабочие совхоза по очереди. Как правило, женщины. Постоянных пастухов нет.

Дождь усиливался, резкие косые удары в окно на какое-то мгновение отвлекли внимание лейтенанта Мушникова. Ему завтра снова мотаться по району. По карто-

теке — около ста сорока «Юпитеров-Иж», голубых и близких к ним по цвету — более полусотни. На все надо самому посмотреть, иные другим показать и, кроме того, узнать, где был мотоцикл в «то время».

— Так кто же они, если не пастухи и не нефтяники? — прервал его мысли Валентин Васильевич Лядов.

— Возможно, те, кто нам нужен?

— Возможно... Возможно, и волосы на еловом суку кого-то из них?

— А что говорят эксперты?

— Во всяком случае, это волосы не Смородинцева, а кого-то другого, недавно стриженного, русого.

— А пуговица?

— Тоже чья-то. Эксперты сделали свое дело. Есть пуговица. Нам осталось совсем пустяк — найти тот пиджак, к которому она была пришита... Но из всех находок, пожалуй, самой что ни на есть подходящей является книжечка в сереньком переплете.

Старшего лейтенанта Лядова вызвали в УВД. Вместе с полковником Вагиным они поднялись в дактилоскопическую лабораторию. Их встретила невысокая женщина в белом халате.

— Нина Ивановна, — обратился полковник, — здравствуйте. И скажите, чем можете порадовать уголовный розыск.

— Вас интересует книжка?

— Нас, Нина Ивановна, интересует все, но книжка особенно.

— Сделали, Яков Абрамович, все сделали. Вот смотрите. — И Нина Ивановна Якушева положила перед работниками уголовного розыска увеличенные фотографии. — Вот это фотография семнадцатой страницы — почти вся ладонь, зафиксированная экспертом. Мы считаем, что следы принадлежат мужчине, который, судя по всему, еще молод, ему не более тридцати лет. Если внимательно посмотреть на пальцы, вы не заметите морщин. Но занимается физическим трудом. Сплюсненность папиллярных линий это подтверждает. То, что книжка была в руках одного человека, а не многих, мы установили по отпечаткам пальцев на первой, восьмой и девятой страницах. Правда, на первой есть еще один пальчик, но он может

принадлежать случайному человеку — тоже мужчине и тоже молодому.

— Нина Ивановна, можете сказать, — обратился Лядов, — как давно оставлены эти следы?

— Понимаю, понимаю. — Она взглянула на старшего лейтенанта слегка сузившимися глазами. — Мы выявляли в своей практике следы и двадцатипятилетней давности. А тут книга совсем недавно вышла из печати.

— Нина Ивановна, вы молодец. Очень попрошу быстро выслать акт.

Полковник — человек общительный, любит пошутить, сказать доброе слово, умеет и пожурить, но за дело и беззлобно. Шутил он и сегодня, однако Лядову что-то подсказывало, что настроение у полковника не безоблачное. И предчувствие не обмануло. У себя в кабинете полковник сказал напрямик:

— Худо, товарищ Лядов, действуете. Очень медленно, неторопливо, плохо включили работников отдела на месте. Ждете стопроцентных решений экспертов.

— Уж слишком дверь плотно закрыта, товарищ полковник, нужна хоть маленькая щель.

— На сию минуту для вас и дверь настежь, работать надо.

Раздался звонок. Звонил начальник УВД. Лядов и по тону, которым говорил Вагин, и по косому взгляду в свою сторону понял, что разговор идет об их деле.

— Понял? — положив трубку, спросил полковник.

— Понял, Яков Абрамович.

Полковник нажал на шкале телефонного аппарата клавишу, аппарат несколько секунд пострекотал кузнечиком, смолк. Из микрофона раздался чуть простуженный голос:

— Слушаю, товарищ полковник.

— Зайдите ко мне.

Через минуту открылась дверь, и в кабинет вошел высокий, смуглолицый, с узким разрезом глаз майор.

— Садитесь, Геннадий Александрович. Об убийстве Смородинцева слыхали?

— В общих чертах.

— Подробности узнаете у Валентина Васильевича. А больше всего интересует нас вот эта книжка, — полковник выложил перед Барановым томик в сером переплете. — Найдена на месте преступления. Ваша задача

найти того, кому она принадлежала. Скорей всего одному из преступников. Составьте план действий. Некоторые приметы возможных преступников — в актах оперативно-технического отдела и протоколах с мест происшествия. Все ясно?

— Как в тумане, товарищ полковник.

— Тогда идите и проясняйте туман.

От деревни Дикая Гарь перейдешь вброд Холодную речку — начинается хлебное поле. По колено во ржи плавно брели друг за другом комбайны. За штурвалом последнего, подавшись вперед, сидел знакомый Болотову комбайнер. По его знаку он остановился. Поднял на лоб защитные очки. На запыленном лице обнаружились огромные светлые круги. Не торопясь, комбайнер спустился с мостика, заговорил первым, пряча улыбку в прищуре серых глаз:

— Чего это вдруг милиция ко мне пожаловала?

— Надо, Николай Иванович. — Руки их встретились в крепком пожатии.

— Ты смотри-ка, и я ему понадобился. Ну, если надо, к твоим услугам, Владимир Степанович.

— Ты мне скажи, куда в прошлую среду ездил на своем «Юпитере»? — без всякого вступления спросил Болотов.

— Ну, если интересно, то пацана с Натальей в больницу возил, корь признали.

— Не встречал, случайно, или не догонял в это время мотоциклиста?

— Не доезжая Сосновки, встретил мужика с бабой и двумя ребяташками.

— Узнал?

— По-моему, это Шакиров из Барды. На курсах комбайнеров мы с ним в Чернушке учились вместе.

Для участкового инспектора Болотова это был двадцать второй по счету мотоцикл. Впереди оставалось еще столько же — и вдруг... неужто забрезжил свет?

Шакиров работает комбайнером в бардымском колхозе имени Ленина. Далеко, притомился гнедой, едва ли выдержит сегодня это расстояние, да в оба конца. Но надо ехать. Пришлось выпросить мотоцикл.

Шакирова участковый нашел в поле, спросил:

- На прошлой неделе куда ездили?
- К своим в Аскино.
- Мне надо знать, когда вы уехали туда и когда возвращались обратно.

Шакиров, не спрашивая, зачем это нужно милиции, рассказал, что ездил к своим знакомым повидаться, пробыл в Аскино сутки и на другой день рано утром возвратился: уборка, прохлаждаться нельзя.

— Расскажите подробно, как вы возвращались, кого дорогой встречали.

— Так особо никого не встречал, только вот, не доезжая Дикой Гари, там, где буровая нефтяников, один парень закурить попросил. Дал я ему закурить и поехал дальше.

— Вы парня, который закурить попросил, хорошо запомнили?

— Парень как парень, с меня ростом.

— Лицо, волосы, глаза, сколько лет?

— Молодой еще, лет восемнадцать-двадцать. Башкир, волосы черные.

В милицию Геннадий Александрович Баранов пришел не сразу: служил в армии, учительствовал. Позднее партийная организация направила его в уголовный розыск. Прошло с тех пор почти пятнадцать лет. Не раз Баранов распутывал сложные узлы.

Серенькая, ничем не примечательная книжка. Ни библиотечного номера, ни печати. Конечно, будь они, и слепой нашел бы преступника. Найти надо не по печати, не по штампу с жирным оттиском, а по невидимому отпечатку пальцев, которые принадлежат, «возможно, преступнику». Ни в одном магазине областного центра такая книжка не продавалась. Инспектор уголовного розыска побывал во всех библиотеках, почти на всех книжных базах, прежде всего областных, которые так или иначе могли снабжать районы.

Через несколько дней пришло телеграфное сообщение из Москвы: «Интересующая вас книга издательства «Московский рабочий» высылалась в июле — августе в Башкирскую, Удмуртскую АССР, готовится к отправке в Свердловскую, Пермскую области».

— Значит, не там, Геннадий Александрович, ищем, —

сказал полковник Вагин и вручил майору командировочное удостоверение в соседнюю республику.

И снова книжные магазины, библиотеки, базы, но теперь уже в столице Башкирии Уфе и ее окрестностях, в районах по соседству с местом происхождения. И вот спустя несколько дней майор Баранов нашел то, что искал.

— И чего это в ней хорошего? Книжка как книжка, — небрежно заметила заведующая складом.

— Что поделаешь, надо. А в магазинах нет, в библиотеках тоже.

— Мы только библиотеки и снабжаем.

— А потом я не первый, кто-то уже взял эту книгу, и не одну.

— Из Аскино приезжали.

Листая журнал и копии накладных, Баранов, не вызывая особых подозрений у завбазой, получил все интересные его сведения и вечером отправился в Аскино.

В тот же день Лядов получил указания от полковника:

— Баранов вышел на след. Как можно быстрее выезжайте к «соседям». Лучше попутным транспортом. Появиться нелегально. В контакт с Барановым войти скрытно.

Инспекторы появились в условленном месте и вправду незаметно. Ехали они одним транспортом, но будто чужие люди.

Прохаживаясь по рядам вещевого рынка, Мушников обратил внимание на человека, который бойко выторговывал у одной из женщин большой цветастый платок. Заросшее щетиной лицо под шапкой давно не чесанных волос показалось знакомым. Он несколько раз прошел мимо, стараясь вспомнить, где видел этого костистого и немного сутулого человека. В воображении Мушников несколько раз переодел незнакомца в разную одежду сезона, побрил и причесал, а побрив, еще раз внимательно посмотрел.

«Цыган?! Да, пожалуй», — боролись чувства уверенности и сомнения. Нельзя доверять интуиции, но и отбрасывать ее едва ли будет верным. А когда человек заулыбался и верхняя губа под большими усами дрогнула, поползла вверх, открылись лошадиные желтые зубы.

«Он!» — едва не крикнул лейтенант.

Прикуривая у Лядова, успел передать:

— Узнал Цыгана. Срочно, Валя, проверь, когда и откуда бежал. Я иду по следу. А может, сам?

— Иди.

Баранов ввел в курс дела начальника местного уголовного розыска, вместе с ним пошел в библиотеку.

Их встретили, как старых знакомых, и разрешили им посмотреть нужные книжки. «Свою» Баранов узнал сразу.

— Они?

— Угу.

— Посчитайте.

— Девять. А по накладной десять.

— Фарида Наиловна, вас можно? — Библиотекарша подошла к ним. — Это неладно. Книжки не оформлены, а вы их уже раздаете. Так и учет запутать можно, а?

— А мы никому и не даем их.

— А вот эту, в сером переплете?

— Ах, эту? — Она на миг задумалась. — Фарид попросил ненадолго.

— Ненадолго, говорите? А сколько же он держит эту книжку?

Опять томительная пауза.

— Стоит ли из-за какой-то книжонки разговор заводить?

— Стоит, Фарида, и даже очень. Так сколько дней к вам эта книжка не возвращается? — Вопрос прозвучал настойчиво.

— Пожалуй, больше десяти дней прошло.

Сотрудники угрозыска переглянулись, и это не ускользнуло от внимательного взгляда библиотекарши.

— Фарида Наиловна, у нас к вам больше вопросов нет. Книжка действительно копеечная, и вы, дав ее до регистрации, страшного не совершили, хотя само по себе это тоже нехорошо.

— Да, да, — закивала библиотекарша, — конечно.

— Но к вам есть просьба, — остановил ее инспектор, — о нашем разговоре никто не должен знать, и прежде всего Фарид.

Фарид оказался молодым, довольно симпатичным пареньком. Окончил десять классов, отслужил в армии,

работал в партии каротажников и готовился поступать в институт. Жил Фарид на квартире у знакомого. Очень охотно вступил в разговор, отвечал на все вопросы.

«Или отличный актер, во что трудно поверить, или какая-то случайность», — думал Баранов, слушая разговор инспектора Башкирского угрозыска и Фариды.

— А чего сегодня не работаешь?

— Почти полмесяца дома не был, всего второй день как вернулся.

— Где работали?

— На территории Пермской области.

— А точнее можно?

И Фарид назвал «девятку» — место, где разыгралась трагедия. Время его пребывания на буровой и время убийства Смородинцева совпадали.

— Извини, брат, но мы тебя должны будем задержать. Произошел очень неприятный случай, и ты нам в нем должен помочь хорошо разобраться.

Красивое смуглое лицо юноши побледнело, на лбу появились капельки пота.

— Меня? Задержать?

— Да.

Фарид не отрицал, что он действительно накануне отъезда был в библиотеке и выпросил на сутки новенькую книжку, но, прочитав, вернуть ее не сумел. Книжка осталась дома.

— Вчера, приехав домой, решил пойти в библиотеку, извиниться и вернуть книжку, но опять никак не найду ее. Как сейчас помню, клал ее в боковой карман пиджака. Но не найду и пиджака. Хозяина спрашивал — говорит, не видел и не знает. Решил вот внести деньги или сдать одну-две книги взамен.

Фариду объяснили, что книжка, которую он не может обнаружить, найдена на месте убийства, совершенного восемнадцатого августа недалеко от «девятки».

— Слышал об убийстве Смородинцева?

— Как же, — негромко ответил Фарид. На его лицо, как и в прошлый раз, напал бледность. — Меня подозревают в убийстве?

— Объективно, если хочешь, получается так, — ответил Баранов.

— Я не убивал! — вырвалось у Фариды.

— А кто убивал?

— При чем здесь я?

— Если не ты, помоги найти того, кто мог оставить там книжку...

Обнаружилось, что в школе украли три мелкокалиберные винтовки. Когда исчезли, никто точно сказать не мог. Эксперты дали заключение, что гильза, найденная на месте преступления, и гильзы, которые хранил военрук школы, одинаковы.

Хозяин квартиры Фарида пришел в милицию и заявил, что его обворовали, а вот когда, он не знает. Стали разбираться. Украденными оказались только зимние вещи. Следом поступило еще несколько заявлений в милицию — и снова зимние вещи.

По почерку судя, действовал Цыган. Но взять его непросто. Может пойти на любую крайность. Это хитрый и коварный преступник.

К работникам уголовного розыска из Перми присоединился подполковник Алексей Иванович Парфентьев*.

Оперативное совещание закончилось. Лядов открыл окно кабинета. В домах через улицу огня почти не было — люди спали.

За вечер наговорились, и теперь хотелось помолчать, как это бывает перед дальней дорогой. Завтрашний день, по расчетам подполковника Парфентьева, должен быть решающим. Он еще раз прошелся в памяти по всем намеченным операциям и, повернувшись к Лядову, сказал:

— Иди-ка, Валентин Васильевич, отдыхай, от тебя в операции будет зависеть завтра, а точнее уже сегодня, многое.

— Иду.

Пришли с донесением. Подполковник набросил плащ и тихо исчез в ночи.

Из окна дома, к которому он подошел, лил яркий свет. Ночь от этого казалась еще черней.

Через открытое окно доносились приглушенные пьяные голоса.

Выбросив в окно окурок, Цыган задержал взгляд на плотном кусте сирени, который сонливо заглядывал

* Накануне 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне А. И. Парфентьеву присвоено звание полковника милиции.

в дом. Что это? Куст зашевелил ветками! Цыган некоторое время настороженно вглядывался в темноту — показалось. Резко захлопнул створки.

— Ша-а, алкаши! Кто открывал окно? Кыш! Да не разом.

Все словно протрезвели, исчезла пьяная развязность, заблестели испугом глаза.

— А ну замри, проверю вначале сам.

Цыган скрылся в темном проеме двери. Вскоре он снова вошел в дом, и там погас свет.

Хотелось спать. Глаза слипались. Но вот во дворе хрипло заголосил «петух». Лейтенант Мушников услышал ответный «петушиный» крик и вместе с напарником вышел из засады. Вчетвером вошли в дом. Как и предполагалось, сложнее всего оказалось с Цыганом. Он сорвался с лежанки и бросился в окно. В руке блеснул нож. Но уйти не удалось. У окна его тоже ждали.

Голубоглазый старший лейтенант в форме пожарного инспектора «из центра» с представителем местной пожарной охраны заходил уже в четвертый дом. Его интересовала профилактика противопожарных мероприятий. Фарид Исупов входил в группу как общественник. Лазили на чердаки, спускались под пол, чтобы осмотреть, исправны ли трубы, электропроводка.

— У нас трубы исправны и проводка новая, недавно заменили, сами увидите.

— Вижу, сделано неплохо, в акте обязательно это отметим, — согласился с хозяином дома инспектор. — Но, как говорят, доверять надо и проверять тоже следует.

Хозяин оказался довольно обходительным человеком. Не преминул предложить проверяющим по чашке чая.

Лядов за всех поблагодарил и отказался.

Осматривая проводку в кладовке, Фарид обнаружил свой пиджак, брошенный в угол.

— Это же мой пиджак! Как он у вас оказался?

— Ты что, клеймо оставил?

— А как же! Вот, смотрите, вешалка из цепочки от старых настенных часов. Сам пришивал. И нитки мои!

— Твой, так бери, — равнодушно отозвался хозяин дома.

— Что значит «твой, так бери»? Не пойдет, — вмешался старший лейтенант.

— Может быть, Наиб нашел?

У пиджака не было одной пуговицы — бежевой.

— Где Наиб?

— Не знаю, где-то бродит.

— Хорошо отец: не знает, где у него сын. Подождем Наиба. Пока акт пишем, он и подойдет.

Ждать Наиба действительно пришлось недолго. Открылась дверь, и порог дома перешагнул высокий юноша. Увидев посторонних, он в нерешительности остановился, потом метнулся прочь, через двор, но замешкался у калитки и оказался в объятиях старшего лейтенанта. Наиба трясло, как в лихорадке. Глаза округлились от страха.

— Чего ты так перетрусил? Что с тобой? Родителей беспокоишь, дома не ночуешь. Пройдешь сейчас с нами, спокойно побеседуем и пойдешь домой.

— Меня же отпустили, — энергично возражал Наиб, — я же там был.

— Где ты был, где? — спрашивал отец.

— Он был в милиции, — ответил за него старший лейтенант.

Отец после этих слов сразу обмяк и медленно опустился на ступеньки крыльца.

— Вы не переживайте, — обратился к нему Лядов. — Лучше вот подпишите акт. А с сыном мы разберемся.

Машины остановились недалеко от того места, где случилась непоправимая беда с Виктором Смородинцевым. Из первой машины вышли двое парней, с ними эксперт, следователь и два сержанта милиции. Из другой — Лядов, Баранов, Мушников и двое местных жителей.

— Покажите, откуда и кто из вас стрелял.

Вперед вышел коренастый русоволосый парень и пошел от дороги в молодой осинник.

— Я стоял здесь. — И он показал, где, вытянув правую руку. Щелкнул затвор фотоаппарата.

— А где выбросили отстрелянную гильзу и зарядили вновь винтовку?

— Кажется, здесь же, — неуверенно ответил парень. При обследовании места преступления гильза действи-

тельно была найдена экспертами в этом месте, а с ней несколько обретенных неиспользованных патронов.

— Откуда вы стреляли второй раз?

— Я больше не стрелял, это сделал сам Цыган уже в яме.

— Кто из вас остановил мотоцикл и в каком месте?

Наиб вздрогнул, словно от удара электрическим током. Он сделал несколько шагов.

— Вот здесь. — И снова щелчок фотоаппарата. В этом месте Смородинцев потянулся за пачкой папирос, чтобы угостить путника, а получил пулю в висок.

— Еще кого-то до Смородинцева останавливали?

— Да, — едва слышно ответил Наиб.

— Зачем?

— Я попросил закурить, а он, — и Наиб метнул взгляд в сторону второго, — должен был стрелять.

— Ну и что же?

— В мотоцикле было четверо — мужчина, женщина и двое детей, могли не справиться.

— Ожидали одного, с ним проще?

Наиб утвердительно мотнул головой.

Наиб и русоволосый парень по фамилии Поляков во всем сознались.

Они подробно рассказали, как встретились с Цыганом, как он угощал их папиросами, вином и конфетами, ничего не требуя взамен, разве только поручал раздобыть еды, выпивки, и то за его же «кровные». Через несколько дней он их пригласил на одно «интересное дело». Удалось. Все деньги Цыган отдал им, себе оставил совсем немного. Потом предложил обширный план, для его осуществления нужны были оружие и два мотоцикла.

Овладев оружием и одним мотоциклом, они учились стрелять «наверняка», водить «Урал» с коляской и без коляски, быстро менять номера и даже с помощью обычной автомобильной камеры перекрашивать мотоцикл. Цыган учил многому...

Его «наука» увлекла парней больше, чем жизнь, которую они вели до сих пор. Работники уголовного розыска беседовали в школе, где учился Наиб, расспросили работников милиции, уже встречавшихся с этим парнем.

— В детстве я ему ни в чем не отказывал, — говорил отец. — Во всем ему потакал.

— Этим вы воспитывали у него вреднейшее убежде-

ние, что каждое его желание обязательно должно быть исполнено.

— Рос мой сын энергичным, острым на язык, я души в нем не чаял. Как-то не придавал значения тому, что говорили о сыне учителя.

Все понял отец, но слишком поздно.

Инспекторы уголовного розыска стояли перед могилой Смородинцева. Стояли молча, обнажив головы. Рядом в почетном карауле замерли ели и липы. Перепархивала с ветки на ветку красновато-серая птица с белой полоской вдоль хвоста, что-то насвистывала.

Перед тем как вернуться к дороге, где ждала машина, трое, словно по команде, наклонились над посеребрившим от солнца холмиком и положили на него цветы таволги. Разогнувшись, каждый взглянул на фотографию, в глаза Смородинцева: «Последний поклон тебе, Виктор Иванович. Все, что могли, сделали...»

УЧАСТКОВЫЙ ИНСПЕКТОР

Еще раз просмотрев записи, старший лейтенант милиции Михаил Петрович Каганец положил блокнот в планшетку. Все, что было запланировано на сегодня, выполнено, теперь можно со спокойной совестью отправляться домой, к семье.

И все же какая-то подсознательная тревога не покидала участкового инспектора. Он подошел к распахнутому окну. Солнце уже уходило за горизонт и бросало на землю последние лучи. От домов напротив и башенного крана на стройке легли длинные тени. Почти под самыми окнами ребяташки продолжали гонять футбольный мяч и каждый гол отмечали восторженными криками. Любители домино усиленно стучали костяшками по вкопанному в землю столу, а на скамейке под тополем оживленно беседовала влюбленная парочка.

Каганец вспомнил, что завтра у него выходной. Пожалуй, можно сходить в лес за грибами, тем более, что жена и дочь давно поговаривают об этом. Да и сам Михаил Петрович — большой любитель леса. Вырос он на Западной Украине, а служба в армии привела на Урал, который понравился молодому украинцу красотой лесов и гор, душистым летним многоцветьем, обилием ягод и грибов, суровыми снежными зимами.

Демобилизовавшись двадцать лет назад, Каганец приехал в Лысьву и стал рядовым милиционером. Потом учеба в специальной школе милиции — и вот он уже седьмой год работает участковым инспектором в Комсомольском поселке.

Закрыв окно, Михаил Петрович направился к выходу, но в это время на пороге появился молодой человек. По

его лицу старший лейтенант понял, что случилось несчастье.

— У нас украли со двора мотоцикл! Совсем новенький!

— Успокойтесь и расскажите, как все случилось.

Посетитель стал рассказывать, потом они вместе пошли на место происшествия. Рослый и широкоплечий, Каганец уверенно шагал по знакомым улицам поселка. Многие прохожие приветливо здоровались с участковым, даже мальчишки часто кричали:

— Дядя Миша, здравствуйте!

Во дворе еще сохранились отпечатки мотоциклетных протекторов. Опыт подсказывал старшему лейтенанту, что действовала целая группа, скорее всего подростки. На примете было несколько компаний. Пожалуй, с них и надо начинать. Каганец давно к ним приглядывался: поступали сигналы о том, что ребята хулиганят, воруют, пьянствуют, но прямых улик пока не было.

По следам этих компаний и пошел Каганец. Старший лейтенант говорил с ребятами, их знакомыми и родственниками. Он никого и ни в чем не обвинял, даже не говорил, какая доука его привела. И вот уже отпала одна группа, потом вторая...

Не Виктора ли Сигатуллина это работа? Парень он очень ненадежный. Отец — пьяница, за сыном не следит. Есть у них в семье мотоцикл, Виктор частенько катается на нем по улицам города, иногда выезжает в лес.

Прежде чем вызвать Сигатуллина, Михаил Петрович продумал, как вести разговор. Учитывая неопытность парня, решил действовать напрямик, как говорят, в лоб.

В кабинете участкового Виктор держался самоуверенно и даже нагло, но глаза выдавали парня: в них притаились страх и настороженность. Все это не скрылось от Михаила Петровича.

— Садись, Витя, поговорим. Наверно, ты уже догадался, по какому случаю я тебя вызвал.

— Откуда мне знать? — насупил парень, отводя глаза в сторону.

— Ты подумай. Может, и вспомнишь.

— Сказал, не знаю, — значит, не знаю.

— А где и с кем ты был ночью три дня назад?

— Дома. С отцом.

— Давай заранее условимся не врать. Учти, Виктор,

что чистосердечное признание смягчает вину и может сыграть на суде в твою пользу.

— Я не понимаю, про что вы спрашиваете, — на этот раз уже не очень твердо продолжал отказываться Сигатуллин.

— Может быть, хочешь, чтобы я рассказал тебе, как все было? Могу это сделать. Рассказать?

— Не надо. Мотоцикл действительно мы с парнями угнали, — наконец признался Сигатуллин.

— И где же он теперь?

— Разобрали и по частям спрятали. Колеса и раму около берега в реке утопили.

Старший лейтенант пошел вместе с Виктором и его друзьями собирать по дворам мотоциклетные части и детали. Попутно нашли еще один мотоцикл, о пропаже которого никто в милицию не заявлял.

Итак, преступление раскрыто. Пострадавшим возвращен мотоцикл, а преступники предстанут перед судом.

Старший лейтенант Каганец вдумчиво изучает обстановку на своем участке. В его кабинете висит карта поселка с разноцветными флажками. Малиновыми флажками обозначены места преступлений, совершенных за последние годы, желтыми — местожительство тех, кто нуждается в постоянном внимании инспектора и общест-венности. Зелеными флажками отмечены адреса внештатных сотрудников.

Рядом с картой на листе ватмана — статистика правонарушений. Участковый фиксирует по годам количество краж государственного и личного имущества, случаи мелкого хулиганства. Чтобы цифры эти неуклонно снижались, Каганец держит постоянную связь с активом — советом общественности, товарищеским судом, внештатными участковыми, народными дружинниками. Вот характерный случай. Воры побывали ночью в буфете, унесли деньги, водку, продукты. Утром Михаил Петрович решил заглянуть в многоквартирные дома. Возможно, кто-нибудь поможет найти ниточку, которая позволит раскрыть преступление. И он не ошибся. Еще по дороге встретился знакомый старичок.

— Здравствуйте, Михаил Петрович. Далеко ли путь держите?

— Здравствуйте, — приветливо отозвался Каганец и откровенно сообщил: — Буфет сегодня обокрали.

— И что же унесли?

— Вино, закуски и немного денег.

— Вы загляните вон в тот дом. Там в квартире Жихарева шибко подозрительный народ собрался. С ночи пьянствуют. Я сам видел, как Жихарев четыре бутылки водки тащил.

— Спасибо, дедушка. Обязательно проверю. Жихарева этого я давно знаю.

Вызванный к инспектору, Жихарев ни в чем не признавался.

— Вы вот что мне объясните, — настаивал Михаил Петрович, — откуда берете деньги на водку, если нигде не работаете?

— Не имей, говорят, сто рублей, а имей сто друзей.

— Допустим. А откуда несли четыре бутылки?

— Купил. В магазине купил.

— Вечером?

— Вечером.

— Но ведь продажа водки разрешена до девятнадцати часов.

— А мне по благу отпустили позднее.

«Вот здесь-то ты мне и попался», — подумал старший лейтенант.

— Сейчас мы пойдем в магазин и вы покажете продавца, который нарушил правила торговли.

Жихарев понял, что выдал себя с головой. Пришлось сознаться в краже из буфета.

В задачу участкового инспектора входит не только раскрытие уже совершенных преступлений, но в первую очередь предотвращение их, перевоспитание тех, кто идет по неверному пути.

У Вовы Г. отец — пьянчужка и тунеядец. Естественно, это отразилось и на поведении мальчика. Он бросил школу, стал заниматься мелкими кражами. То у какой-нибудь хозяйки снимет с веревки белье, то прихватит оставленную у дверей обувь.

Михаил Петрович раз поговорил с мальчиком, другой. На помощь пришли члены совета общественности. Пригласили мальчишку на беседу.

— Не вернусь я в школу, — твердил Вова.

— Почему?

— На меня все станут пальцем показывать, вором называть.

— А ты докажи, что можешь жить честно. Недавно в газете писали об одном воре-рецидивисте. Понял человек, что воровство до добра не доведет. Пошел учиться в институт, стал инженером и теперь работает в городе Горьком на крупном заводе начальником цеха.

— Это правда, дядя Миша? — оживился мальчик.

— Правда, Вова.

— Тогда и я пойду в школу.

И пошел. Закончил восьмой класс. Теперь осваивает рабочую профессию в техническом училище.

Но не все и не всегда получается гладко даже у опытного участкового инспектора.

После двенадцати лет, проведенных в местах заключения, в город вернулся некто Подгорных. Михаил Петрович частенько встречался с ним, при этом разговор вел о самых разных вещах, советовал быстрее устроиться на работу. Чувствовалось, что человек поддается влиянию, стремится встать на правильный путь. И вдруг сообщают:

— Подгорных убил Кулябина.

Каганец знал Кулябина. Это был матерый вор, не раз привлекавшийся к уголовной ответственности. Знал и о том, что тот вновь пытается сколотить воровскую шайку из подростков. Не только знал, но всячески пытался оградить молодежь от влияния рецидивиста. А Кулябин продолжал свое грязное дело. Ему непременно хотелось привлечь в группу и Подгорных.

— Мы с тобой не будем сами воровать, — уверял Кулябин. — Наше дело — руководить пацанами, учить их уму-разуму.

— Не пойду я на это. Хватит.

— Пожалеешь, — стал угрожать Кулябин.

— Не пугай, не на того напал.

— Посмотрим.

И с компанией таких же отпетых негодяев продолжал шантажировать Подгорных.

Подгорных намеревался рассказать обо всем участковому, но потом передумал, решил, что все уладится само собой. Не знал об этом и Михаил Петрович, а через несколько дней в драке Подгорных убил Кулябина.

Не удалось вернуть человека к здоровой трудовой жизни. А ведь немало людей, которые при встрече горячо жмут старшему лейтенанту руку и не забывают снова и снова повторять слова благодарности. Одни го-

вѣрят спасибо за то, что помог уберечь сына от дурного влияния, другие — за возвращение украденных вещей, третьи — за предотвращение преступления. Признательны участковому и многие женщины за то, что призвал к порядку дебоширов-мужей. Смущенно улыбаясь, Михаил Петрович обычно отвечает:

— Какое уж тут спасибо? Я просто выполнил свой долг.

В этих нескольких словах — весь Михаил Петрович Каганец, участковый инспектор Комсомольского поселка. Принимая присягу, он взял на себя почетную и ответственную обязанность, поклялся быть честным и бдительным, при выполнении служебного долга не щадить своих сил, а в случае необходимости и саму жизнь.

С ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ

Все больше и больше автомобилей заполняет улицы наших городов. Вполне понятно, что день ото дня возрастает роль работников государственной автоинспекции — людей, от которых зависит наша безопасность на улицах города, больших магистралях и проселочных дорогах. Об одном из них — майоре милиции, начальнике ГАИ в городе Краснокамске Павле Алексеевиче Пелевине * — и хочется здесь рассказать.

Случайно я стал свидетелем его беседы с одним шофером, нарушившим Правила движения. Указ точно определяет меру наказания — год или два лишения прав вождения автомобиля, о чем же тут говорить? Но Пелевин почему-то вдруг завел разговор о другом шофере, который тоже сел за руль машины в нетрезвом состоянии и в результате покалечил людей. Долго и обстоятельно Павел Алексеевич беседовал с шофером-нарушителем, почти все время доброжелательно и чуть застенчиво улыбаясь ему. И — что больше всего поразило меня — шофер, хоть был на год лишен прав, вдруг сказал необыкновенно тепло и проникновенно:

— Спасибо, товарищ майор.

Сам по себе факт, чтобы наказанный благодарил, встречается нечасто. Я долго думал об этом, беседовал с шоферами Краснокамска и подчиненными майора милиции Пелевина.

Разгадка оказалась проста: в ГАИ Краснокамска стало принципом всей работы прежде всего не наказывать провинившегося, а объяснить, втолковать ему, к чему

* В настоящее время П. А. Пелевин возглавляет отделение ГАИ ОВД Кировского райисполкома г. Перми.

могло бы привести нарушение, не вмешайся автоинспектор или общественник. Потому и не оспаривают шоферы наказание, не сетуют на его строгость. Потому и благодарил начальника ГАИ водитель, лишенный прав на целый год: сумел Пелевин доказать, что гораздо бóльшая беда скользнула мимо.

Не все и не сразу поняли и приняли стиль Павла Алексеевича Пелевина. Всякое бывало в первые месяцы работы.

Он и сегодня отчетливо помнит, как в октябре 1954 года встретили его в Краснокамске.

Пелевин приехал в этот город еще лейтенантом милиции. Правда, за спиной у него были бои на Сандомирском плацдарме, пять лет работы в органах, но... Начальник отдела милиции Краснокамска, даже не побеседовав с ним, не сказав приветливого слова, сразу отправил на место дорожного происшествия: дескать, в деле себя покажи, а поговорить всегда успеем. Конечно, обидел этот прием.

А некоторые шоферы встретили и похуже... Павел Алексеевич не слышал того выстрела. И посвиста пули не уловил. Он просто удивленно глянул на звякнувшее стекло, на дырку, появившуюся в стене. Ему, бывалому фронтовику, хватило мгновения, чтобы понять все. Выскочил на улицу. Там было темно, ветрено. Шумел осенний дождь, да где-то в районе бумкомбината настойчиво сигналила грузовая машина. Понял: кому-то очень хочется, чтобы он, Павел Пелевин, испугался и поскорее уехал из Краснокамска.

Стреляли и второй раз. Тогда был тихий летний вечер. Солнце уже село, но небо еще не потемнело, еще излучало прозрачную глубину, на фоне которой был отчетливо виден Пелевин, ехавший по высокой насыпи дорожного полотна. И мысли у него были самые светлые, когда дробь прошелестела рядом. Павел Алексеевич сразу заметил, что стреляли из лесочка восточнее тракта, но не погнался за стрелявшим: тот, конечно, не будет его дожидаться, а ему одному лесок не оцепить и не прочесть. Потому и поехал дальше, словно ничего не случилось. Только газу чуть добавил.

Да, трудными были для Пелевина первые месяцы службы в Краснокамском отделении ГАИ. Мало кто ве-

рил, что такой откровенно добрый человек сможет навести должный порядок.

И тогда лейтенант милиции Пелевин пошел в горком партии, пошел в горисполком и обрисовал сложившуюся обстановку. Прямо сказал, что нужно обязательно (и чем скорее, тем лучше) провести общее собрание всех водителей города, проанализировать наиболее типичные дорожные происшествия, наконец, просто напомнить собравшимся кое-какие параграфы Правил движения. Как и предполагал Пелевин, его поняли сразу и обещали всяческую поддержку.

Очень недоволен был начальник отдела, когда вместе с ним шел на то собрание. Всю дорогу ворчал: дескать, требовать надо жестче, а не разговаривать с водителями; дескать, он заранее знает, что ничего не даст этот разговор.

Однако собрание водителей прошло активно. Главное же и самое приятное — среди них новый начальник Краснокамского отделения ГАИ сразу же приобрел верных помощников. Правда, тогда их было мало, но зато начало положено!

Пелевин, ободренный первым успехом, теперь идет в автохозяйства и на предприятия, там проводит такие же собрания. И к 1958 году Краснокамское отделение ГАИ имеет уже 35 общественных инспекторов, которые дежурят на главных транспортных магистралях, стоят на страже безопасности движения. Они становятся и активными пропагандистами среди населения Правил движения. Иными словами, общественники начали бороться за то, что Пелевин считал и считает основным в работе ГАИ — за предупреждение каких-либо нарушений. И сам он еще активнее стал прибегать к помощи учителей, руководителей автохозяйств, выступать в печати и по радио.

Число транспортных происшествий в Краснокамске заметно пошло на убыль.

А с 1965 года Краснокамское отделение ГАИ в своей работе опиралось уже на 150 активных помощников. Причем каких помощников! Один из них, находясь на посту, увидел грузовую автомашину, за рулем которой сидел пьяный водитель. Автоинспектор-общественник прыгнул на подножку, вырвал у пьяного руль, сумел остановить машину на самой кромке обрыва. Вид машины,

застывшей в момент, когда до падения оставались секунды, был настолько впечатляющим, что опытные водители только покачивали головой, отдавая должное смелости и находчивости автоинспектора.

Но ничего случайного и удивительного в поступке общественника не было: просто он следовал примеру Пелевина и сотрудников его отделения.

Например, он знал, с каким упорством, с какой безжалостностью к себе незадолго до этого Пелевин шел по следу шофера-убийцы, совершившего преступление на дороге Очер — Краснокамск. Всю дождливую осеннюю ночь Пелевин и его верные помощники не смыкали глаз, но зато уже утром преступник был не только найден, но и полностью уличен.

А разве можно забыть мужество и настойчивость старшины милиции Калинина и старшего сержанта милиции Медведева? Они патрулировали на мотоцикле, когда увидели, что грузовой машиной управляет пьяный водитель. Обогнали, преградили путь, требуя немедленно остановиться. Но шофер, одурманенный водкой, бросил свою машину на милицейский мотоцикл. Только искусство Медведева спасло инспекторов от неминуемой гибели. Это повторялось до тех пор, пока Медведев не изловчился и не перепрыгнул на проносившуюся мимо машину, не остановил ее, отшвырнув от руля озверевшего водителя.

Можно рассказать о многих подобных случаях настоящего героизма, проявленного краснокамскими автоинспекторами и их помощниками. Но значительно важнее то, что Пелевин и сегодня по-прежнему доброжелательно улыбается людям.

Труд майора милиции Пелевина отмечен многими Почетными грамотами, нагрудным значком «Отличник милиции», орденом «Знак Почета». Как видите, пришло всеобщее признание заслуг. Но Павел Алексеевич не успокаивается на достигнутом, он и сейчас, опираясь на помощь широкой общественности, стремится работать так, чтобы исключить даже малейшую возможность для нарушения.

Он и сегодня главной своей задачей считает не наказание провинившегося, а предотвращение любого дорожного происшествия. Сотрудники его отделения ведут огромную агитационно-разъяснительную работу. И мно-

жаться в Краснокамске ряды общественных автоинспекторов. Организован даже отряд юных инспекторов движения при клубе «Факел», и специальная детская площадка оборудована, где все, как на настоящей транспортной магистрали.

Большое и щедрое сердце у майора Пелевина. О своих сотрудниках он заботится, как о самых близких людях. Например, легко ли зимой в лютую стужу, пусть ты и тепло одет, часами патрулировать по дорогам на мотоцикле? И Пелевин добивается, чтобы Краснокамскому отделению ГАИ был выделен автомобиль ГАЗ-51. Работники отделения долго и упорно трудились над его модернизацией, зато сколько было радости, когда машина — в ее закрытом кузове стояли железная печурка и громкоговорители — вышла на линию!

Давным-давно, в первые дни работы Пелевина в ГАИ, у него произошло столкновение с руководителем одного из ведущих предприятий города, шофер которого грубо нарушил Правила движения. Павел Алексеевич временно забрал у него права. Только вернулся к себе — ворвался разгневанный руководитель предприятия. Чего только он не высказал в адрес тогда еще лейтенанта милиции Пелевина! Причем гвоздевыми были два вопроса: а знаете ли вы, у кого этот шофер работает, и знаете ли вы, что вас ждет, если немедленно не вернете ему права? Не испугался грозного окрика Павел Алексеевич, не вернул шоферу права. И ушел руководящий товарищ, так хлопнув дверью, что штукатурка посыпалась. Вроде бы непримиримыми врагами они расстались.

Интересно, а что думает тот товарищ сейчас о майоре Пелевине? Выбрав предлог, не касающийся работы ГАИ, я пришел к нему, побеседовал о разном, а в заключение, словно между прочим, бросил:

— Говорят, начальника вашей ГАИ... как его фамилия?... хотят отозвать из Краснокамска. Вы слышали?

— Это кого? Павла Алексеевича? — сразу насторожился мой собеседник.

— Вроде бы его, — отвечаю.

— А горьком об этом знает? — начал закипать тот...

Разговорился я с одним шофером. Просто так, как водитель с водителем: дескать, вот впервые еду в Краснокамск, улиц его не знаю и боюсь, как бы автоинспекция не придралась к чему.

— А ты не нарушай правил, она тебя и не тронет, — ответил водитель и тут же пояснил: — Наша автоинспекция с головой, для нее главное не дырку на талоне у тебя сделать, а добиться, чтобы ты понял свою ошибку. От большой беды они нас оберегают.

«От большой беды они нас оберегают»... Мне кажется, эти слова как нельзя лучше раскрывают те принципы, которых придерживается в своей работе майор милиции Павел Алексеевич Пелевин.

СРЕДИ РЕБЯТ

Было время, когда я днями и ночами просиживал в кабинетах районных отделов милиции в ожидании интересного, захватывающего события. В одну из таких ночей я услышал сердитые, ироничные слова лихого парня-инспектора в адрес «этих, по детской».

— Валандаются со своими пацанами, мудрят, — бормотал он. — Тоже, педагоги...

Когда сердитый инспектор вышел, продолжая недовольно бормотать, его начальник усмехнулся и сказал, в основном для меня:

— Хороший парень, боевой. И работник ценный... А злится-то ведь на себя. Пробовал он этими пацанами заниматься — не вышло, ушел «на зону». Ничего, конечно, в этом зазорного нет — ну, не дано и все. А он злится... Так в чем же дело?

Один писатель сказал: «Я родом из детства...» Этим утверждением он взвалил на себя немалую ответственность. Быть родом из детства — значит, воспринимать окружающее по-детски ярко, первозданно, чисто. Это так непросто! Недаром же сказано, что понять детей нам, взрослым, можно лишь встав на цыпочки, а мы привыкли нагибаться. Чего там, дескать, понимать у этого возраста: белое у них — белое, черное — черное. Из-за этой самонадеянности сплошь и рядом терпят крах наши попытки приблизить к себе парня или девчонку, стать им «своим».

Подавляющее большинство работников милиции ныне обладают — по завету Феликса Эдмундовича Дзержинского — горячим сердцем, холодной головой, чистыми руками. С педагогическим же даром сложнее. Этого в

себе, наверное, не воспитаешь. Педагогом, как и поэтом, надо родиться...

Володя Колтаков, как считали многие, родился атаманом. Соответствующей атаманской внешностью он, правда, был начисто обделен. Щуплый, малорослый — самый низенький среди ровесников, — Володя отнюдь не вызывал опасений на улице, у незнакомых парней. И все же он атаманил: за счет своей неистощимой фантазии, энергии и отчаянности. Он был предводителем ватаги, созданной, как сейчас принято говорить, по мотивам любимой Володиной книжки «Тимур и его команда».

У Колтакова и его друзей были вполне определенные симпатии и антипатии. Не любили ребята подлиз, ябед и всякую шпану. Как ни странно, сложные отношения у ребят были и с милицией. Помните гайдаровских тимуровцев — заброшенный сарай, провода, сигнализация, неожиданные набеги с благородной целью и столь же неожиданные исчезновения? А теперь представьте все это возле вашего дома, у вас во дворе, в микрорайоне. Мальчишки в сарае? Что они там делают: курят, должно быть, если не хуже? Набеги через заборы, крыши? Какие-то нелепые ультиматумы и записки на стенах? Нет, тут надо вмешаться. Надо сообщить в милицию: пусть-ка разберутся, пока не поздно.

Интерес милиции к себе Володя и его друзья воспринимали как вопиющее ограничение свободы: эх, не дают развернуться!

А возраст у ребят был тот самый, горячий, который хоть и не принято тогда было называть трудным, но легче от этого он не становился. Любая обида на «зажим» свободы могла выплеснуться в такие действия, что в самом деле без милиции не обойтись. Так оно и вышло. Колтаков дружил с девчонкой, отец которой как раз был одним из тех, что стоят на страже закона. «Тимур», протестуя против «ущемления прав», однажды взял и увел у него машину.

В милиции вам могут рассказать сколько угодно горьких историй об изломанных судьбах, начавшихся подобным образом. Володе же повезло. Человек, с которым судьба столкнула парня таким образом, оказался не только советником юстиции, но и настоящим педагогом, добрым другом. В воинствующем анархисте он разглядел стремление к добру и справедливости, увидел мужество

и волю — качества, столь необходимые для защиты добра. Их беседы были о многом, но касались они, по сути, одного: для чего стоит жить на этом свете? Многие прояснилось тогда в голове у «атамана».

Желание активно защищать добро бродило в нем с детства. Теперь он получил ясное представление о том, как и вместе с кем это надо делать. После окончания десятилетки на стол приемной комиссии одной из милицеских школ положил свое заявление. Нет, еще не все в сознании Володи встало на свои места. Еще не очень представлял он, как сумеет целиком подчинить себя неумолимой дисциплине. Милиция во многом привлекала его своей романтичностью, возможностью идти на зло грудью, в первых рядах... Но решение его было обдуманным и твердым.

А его не приняли. Не приняли из-за роста!

Потом армия. Там он подрос, окреп физически. Но не это главное. Научился Владимир соизмерять свои порывы с тем главным и важным, что зовется общим делом. Прибавились выдержка, хладнокровие, ответственность.

Его приняли на работу в Кизеловский городской отдел внутренних дел, в уголовный розыск *. Назначили инспектором по делам несовершеннолетних. Колтаков не возражал. Интересным показалось начать службу в милиции именно с этого. В свои двадцать три он уже понимал, что поставлен у истоков того самого зла, с которым собирался воевать: ведь любой, самый отпетый преступник был когда-то пацаном, вовремя не понятым, обойденным вниманием старших.

Почему у него многое довольно быстро стало получаться? Потому что был он активным, способным, старательным работником — и прилежным учеником. Учился (и учится сейчас) охотно. Не только на юридическом факультете университета, но у каждого, кто хоть что-то может ему дать. Учитель номер один — Михаил Миронович Найденов, подполковник милиции, начальник уголовного розыска. Несколько лет работы с Найденовым — это уже не школа, а целая академия. Владимир научился у своего начальника разговаривать с правонарушителями и преступниками. Да, разговаривать. Это порой посложнее операций по задержанию и раскрытию дел.

Другой учитель Владимира — его мама. Ее тридца-

* В настоящее время В. Я. Колтаков учится в Академии МВД СССР.

тилетний опыт работы в школе — клад для сына. Ведь знает же мама что-то такое, отчего с ее выпускниками редко приходится сталкиваться кизеловской милиции. Это «что-то» должно войти в арсенал его средств.

Я назвал Колтакова прилежным учеником. Это не совсем точно. Он учится активно, творчески. Спорит не только с женой, но и с учителями постарше. На оперативке Колтаков, если с чем не согласен, обязательно выскажется и, пока его не переубедят или не прислушаются к его мнению, со своего не свернет — это уж точно.

Творческий подход Владимира Колтакова более всего сказывается в общении с подростками. Поначалу, откровенно говоря, я просто удивлялся его поведению. Вот ввели парня. Косая сажень в плечах, он почти на две головы выше инспектора. Смотрит с веселой, непоколебимой наглостью. Судим, совершил побег, поймали. Ну, чего скажешь, начальник?

А «начальник» разглядывает его прямо-таки с явным удовольствием, с приветливой улыбкой, словно лучшего друга встретил. Стул подвигает. Задушевный легкий разговор, не торопясь, начинает — о погоде, о здоровье... Домашних дел только не касается, тема эта собеседнику неприятна: отец у него — особо опасный рецидивист, мать недавно освободилась из мест заключения.

Разговаривают они так, словно бы шутя, а в глазах у одного — лютая ненависть, у другого — спокойное, доброжелательное внимание.

Позднее Колтаков нахмурился на мой вопрос: как же, мол, это вы так, с преступником?

— Понимаете, — говорит он медленно, глядя на столбик пепла своей сигареты, — никто не дает права наказывать преступника больше, чем того требует закон. Если я на него закричу — это будет уже дополнение к тому наказанию, которое он получит по закону. И еще, что толку от повышенного тона, от заданных в лоб вопросов: «Признавайся, что сделал, с кем сделал?» Замкнется человек, обозлится еще больше и все.

Вот когда я почувствовал способность Колтакова проникнуться чужими чувствами, заглянуть в душу другого человека. Этот молодой, на вид даже юный инспектор в каждом видит личность. Пусть еще не обрешую в жизни полной ясности, но личность, ничуть не менее сложную, чем, допустим, его, Колтакова.

Он терпеливо разговаривает с парнями и девчонками, желая понять их до конца, разобраться в тех подспудных течениях их мыслей и стремлений, на которые порой не обращают внимания ни родители, ни педагоги, видящие в ребенке уже сложившегося носителя добра или зла.

— А я всегда помню себя почти вот таким же. Я вполне мог стать таким же. Мне больше повезло. Но и им вполне еще может повезти. Только узнать надо о них больше, чтобы помочь. Сложившийся преступник в этом возрасте? Ерунда! Ни черта он еще не сложился. А вот кем станет — это уж и от меня зависит.

Кем они станут... Словно пытаюсь угадать это, он вглядывается в лица подростков на улице, во время частых встреч в школах, училищах, техникуме. Зачем стоят эти трое на перекрестке в поздний час, чего ждут? Подойдет, приглядится, запишет фамилии в свою книжечку — пригодится. В школе, перед встречей с ребятами, поговорит с директором, учителями: кто вызывает опасения, кого надо предупредить, одернуть? И встречу начинает так, словно знает ребят давно, много лет: «Вот ты, Виктор, с уроков сбегаешь, выпиваешь даже. Хочешь, скажу тебе, чем такое кончается?» Переглядываются ребята: «Смотри-ка, все знает...» Витька, школьный «герой», гнет голову пониже.

Приемы его рассчитаны на психологию трудного возраста и зачастую бьют в самую точку. Обсуждали как-то в техникуме паренька, совершившего серьезный проступок. Дружки правонарушителя с задних парт посмеивались, подмигивали ему; сам он, стоя перед однокашниками, чувствовал себя героем.

Колтаков поднял с места веселящихся друзей и сказал парню:

— Хочешь знать, кто твои враги? Ты считаешь, мы, милиция. Так вот, смотри: это и есть настоящие твои враги. Им плевать на твою судьбу. Завтра ты пойдешь на более серьезное преступление, сломаешь себе жизнь — они так же будут смеяться. Над кем?

Доказать подростку, что он борется не с ним, а за него, — едва ли не самое трудное. Но, преодолев этот барьер, Колтаков приобретает преданных друзей. А барьер приходится преодолевать на свой страх и риск, иногда основываясь лишь на интуиции. Задержали, например, од-

нажды восемнадцатилетнего парня. Пьяный, он вел себя вызывающе, нагло. Грозил ему суд, штраф. Но Колтаков, поговорив с правонарушителем, решил рискнуть. Дове-рили парню вместе с членами оперативного отряда охра-нять общественный порядок во время праздничной де-монстрации. Он стоял в оцеплении, с повязкой, под гра-дом смешочков своих недавних дружков. Но уйти не мог, не решился: рядом были комсомольцы-оперативники. Потом он стал заходить в штаб оперотряда, однажды стал свидетелем того, как ребята сами помогли раскрыть преступление. Понравилось. Вскоре он стал кандидатом в члены отряда, потом душой отряда. Ему даже странно было теперь вспоминать, что когда-то он шатался бес-цельно по городу, пил от безделья. Сейчас работает во-енруком в училище, сам возится с подростками, помога-ет Колтакову.

Таких друзей в шахтерском городе у Владимира мно-го. Самые лучшие, увлеченные приходят работать в го-родской отдел внутренних дел и трудятся рядом со своим Владимиром Яковлевичем. Олег Окунев и Виктор Коле-сов сколько угодно могут рассказывать и о делах опер-отрядов, и об учителе и наставнике (да, вот и настала пора Владимиру именоваться учителем). Олег Панчихин, Володя Осмирко, Володя Этергард, Алла Зуева учатся на юридическом в Перми, они же по-прежнему активные оперативники. Сосчитать «крестников» Колтакова не так-то и легко...

Время, отданное молодым. Время на отряды ЮДМ и комсомольцев-оперативников. Время на выступления пе-ред подростками, встречи, собрания (Колтаков ко всему прочему — член горкома комсомола). И, в конце концов, он работник уголовного розыска — значит, время на рас-крытие преступлений, на «недетские дела» — засады и погони, поединки с преступниками. А как же с личным временем?

— Заниматься, читать приходится в основном по но-чам. Если они не заняты, конечно. А насчет семьи... луч-ше не говорите! Выгонят из дому — не удивлюсь, — шу-тит Владимир.

У Колтакова есть мечта: скорей бы отпала надобность в работниках его профиля. И тогда он пойдет в школу. Учителем.

ОДИН ДЕНЬ ВАЛЕНТИНА КОНЕВСКИХ

Десять лет службы — что там ни говори — весомый отрезок жизни. Вчера к Валентину Яковлевичу заходили друзья поздравить с высокой наградой:

— Знаем, не ради ордена служишь! А все ж хорошо, Валентин, когда ценят!..

Зашли и старые приятели с завода, где в юности работал Коневских. Поужинали, повспоминали прошлое.

— А этих, горе-фальшивомонетчиков помнишь, отца да сына-художника? Расследование заканчивалось, отпустить подчистую уже хотели: дурость, мол, одна у этого художника! И здорово же ты тогда, Валентин, во всем разобрался!..

То давнее дело было действительно любопытным, его и сейчас помнит Коневских: молодой художник изготовил десять фальшивых десятирублевых купюр («Просто из дурости! Хотел проверить свое мастерство художника...»). А его отец, «не ведая о том», снес купюры на рынок, разменял все, кроме одной. У старухи торговли купил овса и картошки, а на разменные деньги в гастрономе — продукты и водку.

Срок расследования истекал, когда дело перешло в отделение Коневских *. Выводы гласили: сын и отец невиновны. Коневских торопили освободить подсудимых. Но сомнения все больше охватывали Валентина Яковлевича, чем глубже вникал он в детали, которым при расследовании было уделено мало внимания.

Художнику всего двадцать три года, как будто и неплохой парень, у него молодая жена. И у шестидесяти-

* Ныне майор милиции В. Я. Коневских возглавляет следственный отдел УВД Пермского облисполкома.

летнего отца хорошая жена. И ни одной судимости ни у кого. Но если это все-таки фальшивомонетчики? Закон строго карает такие преступления, правда, редкие...

Отец все твердил: «Не знал, что купюры фальшивые, вижу плохо: где мне разглядеть было...» Но медицинская экспертиза опровергла этот довод: зрение у старика оказалось хорошим.

И еще: зачем он пошел менять деньги не в магазин, а на рынок? Отец отвечал: «Хотел купить овса — страсть люблю овсяную кашу!» А жена его на допросе утверждала: «Терпеть овсянки не может, даже «Геркулеса»!»

Где же взял в то утро старик эти купюры? «Из стола у сына в то утро и взял...» А жена художника говорила: «Мой муж не скрывал, что хотел эти десятирублевки написать. Испытать себя, что ли! Он и отцу показывал, похожи ли? Отец их на свет смотрел, хвалил: «Ну, хорошо делаешь! Здорово делаешь!...» А муж только смеялся».

И еще: соседка по квартире вспомнила, как зашел к ней однажды художник и попросил разменять десятку и она разменяла, а потом ей показалась странной какой-то эта десятка, и она вернула купюру и сказала: «Странная она!» Тот рассмеялся: «А я это пошутить хотел: признаете ли за настоящую?»

И еще, и еще... Этих «еще» становилось все больше. Они плотно связывались в одно целое, становясь непреложными уликами. Валентин Яковлевич посоветовал отцу и сыну сказать правду (хотя правда уже и не требовала новых доказательств), спокойно и убедительно говорил о том, насколько преступны и аморальны подобные «художественные» занятия, к каким последствиям приводит это тягчайшее преступление против государственной собственности.

Отец признался в преступном замысле; сын заколебался, погрузтел, а потом признался тоже. Дело было передано в суд. И, помнится, сразу все показалось тогда Валентину Яковлевичу простым, раскрылось как бы само собой. И волнения, и беспокойства, и боязнь ошибиться — все отошло...

Засиделись за полночь. Вспомнили многое. Думал, вспоминал и Валентин Яковлевич.

Десять лет!... Приобрел ли он нечто большое, новое за эти десять минувших лет? Оправдал ли доверие товарищей? Впрочем, о последнем судить уже не ему.

«Так что же принесли мне эти десять лет?...» — спрашивает себя Валентин Яковлевич. И вдруг замечает, что раньше, пожалуй, вовсе не думал об этом. Не приходилось как-то. Была школа, был велосипедный завод, где началась его трудовая жизнь. Был аэроклуб, была мечта стать летчиком. А потом служба в армии, и снова завод, работа на испытании авиадвигателей, сперва мотористом, потом бригадиром. И без отрыва от производства юридический факультет университета как основа будущей деятельности, избранной навсегда.

И десять лет работы следователем... Валентин Яковлевич возглавлял теперь отделение по расследованию «конкретных» дел. Кое-что, если оглянуться назад, кое-что, и не так уж малое, было в работе освоено, сделано. Это хорошо знал теперь Валентин Коневских, знали это и его друзья по службе.

Вот и сейчас вспомнили они еще одно прошлогоднее дело...

Оно касалось сразу трех видов преступления: спекуляции, взятки, хищения. Дело было показательное и редкое.

— Хорошо еще, — сказал Валентин Яковлевич, — что Виктор Стародонович Варов сразу занялся этими молодчиками! А уж от него не ускользнешь.

В отделение милиции сообщили: с Пригорской лесотехнической торговой базы, куда в розничную торговлю поступали мотопилы «Урал» и «Дружба» и где редким счастливым удавалось порой купить одну-две пилы, отгружено и увезено к железнодорожным складам сорок ящиков мотопил и запасных частей к ним «для дальних северо-восточных колхозов». Сообщили марку, цвет и номер машины.

Виктор Стародонович давно уже из профилактических соображений держал на прицеле эту базу: из трех городских баз она больше и чаще остальных получала продукцию завода, где изготовлялись мотопилы. Мотопилы были весьма дефицитны, в город отовсюду прибывали покупатели и «толкачи».

Виктор Стародонович немедленно выехал к Пригорским железнодорожным складам. На полпути навстречу вырулила машина: цвет, марка, номер были те самые.

Виктор Стародонович развернул свою «Волгу» поперек дороги. Встречная машина остановилась. Кроме шо-

фера, в ней было еще двое довольно молодых людей; один чрезвычайно спокоен и самоуверен, другой грубоват, нахален.

Документы им были предъявлены, и шофер сразу подтвердил, какому заводу принадлежала его машина, сказал, что направил ее сюда заместитель начальника отдела снабжения завода Шольман.

Варову хорошо была знакома эта фамилия. Он предложил самоуверенному гражданину, назвавшему себя Локотовым, пересечь в «Волгу», и тут же, в пути, начался твердый, годами проверенный разговор, где вопросы, ответы и быстрые, умные контрвопросы, как ни изворачивался собеседник, неизбежно должны были привести к определенно намеченной цели. Варов не упускал из поля зрения ни малейшего промаха и полупризнания. Но Локотов был невозмутим. Он и не отрицал самого факта отгрузки мотопил с торговой базы, и не находил ничего предосудительного в том, что мотопилы отпущены колхозам «в виде взаимопомощи», а не по разнарядке министерства. Он охотно показал Варову свои документы, сказал, что Разгонову, «полномочному представителю» этих колхозов, он помог лишь погрузить ящики на машину.

От Варова требовалось точно и оперативно провести дознание, четко определить факты преступления, пресечь дальнейшее его развитие, изъять из рук преступников присвоенные ими ценности и возбудить уголовное дело.

Дней через десять было закончено дознание, и дело о спекуляции, взятках и хищении передано на расследование. А вскоре к двум «землякам» присоединился и третий, Грустинский, доставленный на Урал из северо-восточной области.

Так и получили Коневских и его сослуживцы это дело, организатором которого был Локотов, а помощником злостный взяточник Шольман.

В спекуляциях с мотопилами Локотов оказался не новичком: с первых допросов Коневских убедился в этом. И Локотов, и его сотоварищи имели уже по одной судимости, но это ничему их не научило. Все они числились работниками строительства в колхозах и скоро поняли, в чем особенно нуждались эти колхозы и колхозники и чем можно было здесь поживиться. Мотопилы!

Два года назад дважды приезжали на Урал Локотов с Грустинским. Локотов быстро сошелся на заводе с Шольманом. Передавая ему вместе с письмами председателей колхозов изрядные взятки, размеры которых заранее устанавливал сам заместитель начальника отдела снабжения, Локотов и Грустинский получали за наличный расчет мотопилы и запасные части к ним.

Каждая сделка обильно «обмывалась» Шольманом и его новыми «знакомыми-северянами» за их счет то в номере гостиницы, то в ресторане.

Деньги, полученные от колхозов и колхозников, щедро шли на попойки и взятки. Пилы невероятно возрастали в цене, счета подделывались, разбухала стоимость перевозок, погрузки и разгрузки. Запасные части «уполномоченные» расхищали из положенных комплектов и отдельно передавали на сторону. Тысячные доходы попадали спекулянтам.

И вот Локотов вновь пожаловал на Урал, в третий раз, теперь уже с «уполномоченным» Разгоновым. Возможно, он считал это для себя более удобным: отвечает за все Разгонов, денег собрано много. Локотов только договорится с Шольманом, поможет передать взятку от Разгонова, а за помощь Разгонову получит от него хорошие деньги. И, разумеется, кутить будут вместе!

Все шло в этот раз как по маслу. Количество купленных пил и запасных частей к ним превзошло ожидания, хотя взятки Шольману были неслыханно крупны. Кутежи в «Прикамье» приобретали купеческий размах: музыка по заказу, хорошеньким девушкам — шампанское и шоколад, кольца, сапожки и шкурки. Разгонов не жалел денег.

«Как же это получается? — думал тогда Валентин Яковлевич. — Один проходит через тяжкие испытания и закаляется. Тяжести у другого куда обозримее, возможности преодолеть их, добиться своего, найти свою дорогу куда шире, а человек начинает петлять... Вот и Разгонов... Жизнь не слишком баловала его. Мать умерла рано, отец погиб на фронте. Жил парнишка у родственников. Не было рядом человека, который поддержал бы, направил. Учиться долго не стал. Начал пить и скитаться с места на место. Друзья попадались нестойкие, частенько отъявленные дельцы. А Разгонов и сам нетверд, неустойчив и, видимо, легко поддается уговору и соблаз-

ну. И вот к чему приводит соблазн. А жаль... Тридцать два года, и человек неглупый, небезынтересный...»

А нужно ли вообще познавать оступившегося человека, его характер, психику — саму суть? Бесспорно нужно. Контакт с подсудственным необходим: не разобрался в человеке, упустил, казалось бы, мелочи в его преступном деле, недодумал чего-то — и вывод окажется неверным, и судьба человека покалеченной.

Проникать в глубь поступков, мыслей человека, в его душу помогает, как ни странно, литература. Без книги, без чтения Валентин Яковлевич не представляет себе ни жизни, ни работы. Иногда ему и самому кажется, что в труде его есть нечто схожее с трудом писателя... Разве не те же здесь раздумья, бессонные ночи, поиски, сомнения, не та же идет борьба за правду?

Многим должен обладать следователь. Конечно, нужны юридическое образование, профессиональная подготовка.

Но и идейная убежденность, непримиримость к пережиткам прошлого, высокая нравственность, гибкость мышления, интуиция... И любовь к своему делу. Все это и опыт, который приходит с годами, помогает глубокому проникновению в существо происшедшего, разгадыванию многих психологических головоломок.

Так ясно, словно вчера это было, вспомнил Валентин Яковлевич разговор с Разгоновым. Грубость, надменность, нежелание отвечать...

Коневских уже знал: не хочет признать себя виновным, хотя все подтверждает преступность его занятий.

— Отложим разговор на несколько дней? А вы подумайте. И не забудьте: чистосердечное признание вины облегчит вашу участь.

На третий день Валентину Яковлевичу сообщили, что подсудственный просит следователя прийти «на собеседование». Так завязалась цепь новых допросов, уговоров не упорствовать, признаться — собственно говоря, то была обычная воспитательная работа, без которой, как знал это Валентин Яковлевич, немыслимо успешное ведение следствия.

Локотов был человеком совсем иного склада: под тяжестью улик и признаний «друзей» он не отказывался от фактов, но ответственность за них неизменно переносил то на Разгонова, то на Шольмана или Грустинского.

Шольман же после первых угроз («Меня знает тот-то!.. Мою полезную для завода работу подтвердит такой-то!..») почти и не сопротивлялся: быть может, опасался, как бы не вскрылись еще какие-нибудь махинации. А жена его, заступаясь за мужа, дабы смягчить вину или, может быть, разжалобить следователя, ссылалась на «материальные трудности»: «Ему очень нужны были деньги. Понимаете, на дачу. И потом — на покупку автомашины...» И только Грустинский был подавлен раскрытием дел, которые он считал уже позабытыми. Была в его жизни горькая черта: Грустинский любил красивую и жадную до денег женщину. Это, возможно, стало и одной из причин его участия в спекуляции. Теперь Грустинский понимал, что он потерял свободу, потерял любимую.

«Может быть, этот еще одумается, отбудет наказание и выправится? — думал тогда Валентин Яковлевич, глядя на удрученное лицо арестованного. — А те трое? Шольман и Локотов — стяжатели. Сообразительные и неглупые люди, и тем наиболее опасные для общества. Хорошо, что они на время обезврежены. А потом? Трудно пока думать о внутренней, духовной их перестройке... А Разгонов? — И вновь вспоминаются Валентину Яковлевичу бесчисленные часы бесед, в течение которых стремился он натолкнуть этого непутевого человека на мысль о том, что так жить, как живет Разгонов, нельзя. — Трудно поверить, что исправится. Нетверд. С кем встретится, выйдя на волю? Куда, в какую сторону понесут его шальные ветры?»

Горечь остается от раздумий. Но Коневских ни в чем не может упрекнуть себя. Под давлением неоспоримых доказательств подсудимые признали свою вину. Следствие было проведено тщательно, человечно; узлы распутаны добросовестно и умело. Все учтено, все принято во внимание.

Дело Локотова и компании прошло не без последствий. Умно поступило управление, предложив строгую проверку людей на ответственных должностях завода, отпуск пил лишь по разнарядкам министерства, внезапные ревизии на заводе...

Утро. Валентин Яковлевич быстро поднимается по лестнице, идет по знакомому коридору, входит к себе. В де-

вать тридцать каждодневная оперативка. Еще полчаса до начала. Руки уже тянутся коснуться субботних записей.

Конечно, начальнику следственного отделения необязательно самому вести расследование: под его началом подчиненные, их работа под неослабным его вниманием, он отвечает за все следственное отделение. Приходится спрашивать, помогать, подсказывать — забот хватает.

Дверь отворяется. Ясно, Нечаев пожаловал. Значит, есть важный вопрос. Этого следователя уважает Валентин Яковлевич: молодой, лишь несколько лет в отделении, но очень способный и перспективный работник.

Заходят сотрудники, уже заканчивающие другое расследование. А после оперативки, когда только-только, казалось бы, взяться за свое, — вновь и вновь встречи с сотрудниками, рассмотрение сложных ситуаций, коллективное решение непредвиденных задач.

В пятнадцать часов — как быстро летит время! — вызов к начальству. В пятнадцать тридцать — поездка в прокуратуру. В шестнадцать десять — еще раз к начальству. В шестнадцать двадцать Коневских выкладывает наконец на стол листы, заполненные в субботу, и погружается в новое дело. Все, что непричастно к этому делу, мгновенно отходит на задний план. Семнадцать часов. Еще десять, пять минут — и все будет просмотрено. Намечен бегло план на завтра, дома, перед сном, он будет уточнен.

Валентин Яковлевич отдает последние указания, спускается к выходу. Снег мельтешит в воздухе, деревья бульвара в белом пуху.

«Дома ли Люда? — думает Коневских. — Наташка, ясно, давно вернулась из школы, читает или готовит уроки...»

Он быстро открывает дверь своей квартиры и слышит:

— Это ты, Валя? Ну, молодчага, пришел пораньше, раздевайся, ужин готов! Соберемся в театр не торопясь — кои веки уже там не были!

И тоненький, звучный голос Наташи:

— Я же говорила, скоро будешь! А мама все беспокоилась!

Все сидят уже за столом, у каждого свои новости и заботы; и добрые слова и смех не умолкают, как в пред-

ожидании праздника. И Люда говорит: «Надень, Валя, новый костюм». И Наташа: «Ты такой в чем модный!»... И маленькая Неля: «Па-па мон-ный...»

Но звонит телефон, и Наташа — до чего же услужливая дочка! — бежит из-за стола и снимает трубку.

— Папа, тебя! Кто-то басом!..

Смех притухает: Людмиле Анатольевне хорошо знакомы эти звонки.

— Ну, что там опять? — торопит она мужа.

И уже на пороге комнаты, смущаясь, смотрит на нее Валентин Яковлевич:

— Да вот вызывают, Люда! Ты же снимаешь... Такая наша работа. Не задержусь — поспеем!

— Не задержись!

Эти слова Валентин Яковлевич слышит уже на площадке лестницы.

Снег. Белые панели, мостовая, бульвар...

«Ничего, поспеем! — говорит себе Ксневских. — Такая уж наша работа. Поспеем!»

НАЧАЛО ПУТИ

Служба Володи Шипицина началась, как и у многих, после окончания Елабужской средней школы милиции. Он попросился на работу в Гайны: там вырос, учился и стал комсомольцем, а после армии работал шофером.

Первые дни проходили обыденно и совсем неинтересно. Сидел, изучал старые дела по нераскрытым преступлениям, допрашивал мелких воришек, хулиганов — и, казалось, не видеть этому конца. Были, конечно, дела и посложнее, но и занимались ими работники постарше. Володя изредка обижался на это, но виду не показывал. «Да и что обижаться, все правильно, — думал он. — Там опыт нужен, а у меня его нет».

Впрочем, скоро закрепили за ним зону района. И когда начальник отдела обвел карандашом ее границы, Володя только головой покачал. Сколько километров в одну сторону и сколько в другую, точно не смог сказать и сам начальник.

— Может, пятьдесят, а может, и больше, — улыбнулся он. — Но вы не бойтесь, населенных пунктов здесь немного, а народ в основном постоянный, хороший. Лесорубы! С людьми познакомитесь — и работать будет легче. Кстати, один из участковых инспекторов ваш брат. Теперь и у нас династия появилась, Шипицыных.

Раньше об этом почему-то не думалось. А ведь и верно, династия: он, Володя, да Михаил, да двоюродный брат Анатолий учится на очном отделении Московской высшей школы МВД, и, если приедет, их будет трое. Впрочем, это тоже не утешало. Выходя из кабинета начальника, Володя размышлял о том, что такую территорию и за неделю не объедешь.

Так началась у лейтенанта Шипицына* жизнь, полная разъездов, встреч, знакомств. Жизнь, заставившая забыть наивные представления об обыденности милицейской службы.

Страшная весть: убийство в поселке Сергеевском. На место происшествия выехала небольшая группа: заместитель начальника райотдела, следователь прокуратуры и он, зональный работник уголовного розыска. Шипицын немного волновался. Он понимал, что опытные сотрудники будут наблюдать за ним.

Светало. Следователь с понятыми осматривали место происшествия. Участковый инспектор старший лейтенант милиции Зеров хорошо знал убитого, но никаких предположений о том, кто совершил преступление, высказать не мог. Нашли топор. На лезвии и топорнице отчетливо были видны бурые пятна.

Решили идти в поселок, беседовать с людьми. Из дома в дом переходили работники милиции, спрашивали, слушали хозяев, а уходили ни с чем.

Возле одного из дворов рядом с пленницей стояла женщина и на чем свет кого-то ругала.

— В чем дело, Ивановна? — спросил Зеров.

— Последний топор, ироды проклятые, утащили, — пожаловалась она участковому. — И дров наколоть нечем!

— А когда?

— Вчера вечером здесь был.

— Может, пошутил кто? — поинтересовался Володя.

— Кому шутки, а мне нет, — раздраженно ответила хозяйка. — Теперь у соседей надо просить...

— У Бугрина? — спросил Зеров.

— Можно и у него. Только он с похмелья, не скоро разбудишь.

— Вы через полчаса зайдите в контору, — попросил Зеров хозяйку.

— Зачем?

— Нужно.

Увидев свой топор в числе других, Ивановна удивилась:

— Мой-то он мой, но как оказался у вас?

* Ныне старший лейтенант милиции В. А. Шипицын несет службу в ОВД Гайнского райисполкома.

— Потом узнаете, — уклонился от прямого ответа Зеров и предложил подписать протокол опознания.

К Бугрину они зашли вдвоем. Жена суетилась у печки, хозяин спал. Жена рассказала, что муж пришел поздно, пьяный, снял одежду в сенях и просил постирать.

— Но я не успела, — сказала женщина, словно оправдываясь.

— Покажите его одежду, — потребовал участковый.

— А вон она, — открыв дверь, показала женщина.

— Все понятно, товарищ лейтенант, — покачал головой Зеров, — пойдем будить хозяина.

Запираться долго Бугрин не смог: все улики были против него. И он признался, что «рубанул за должок по пьяному делу»...

Прошло более двух лет. Стал лейтенант из Володи Владимиром Алексеевичем, обзавелся семьей. А главное — накопил опыт, многому научился, привык к неожиданностям и многодневным командировкам. Нередко доводилось завтракать в Гайнах, обедать в Сейве, а ужинать уже в Чуртане.

Ранним сентябрьским утром с начальником райотдела Анатолием Михайловичем Ивановым Шипицын приехал в Сейву. Еще вчера они были в Чуртане и собирались домой, но сообщение о краже из кладовок на берегу Камы заставило их изменить маршрут.

На берегу было оживленно: весть о краже быстро разнеслась по поселку. Владимир Алексеевич и участковый инспектор Селезнев осматривали кладовые со взломанными запорами. Люди внимательно наблюдали за ними и ждали, что скажут работники милиции. А что они могли сказать?

На прибрежной гальке валялся лом... Видны были следы резиновой обуви сорок третьего размера... Значит, вор высокого роста и большой силы. И то, что он уехал в лодке, тоже понятно всем: два мотора «Вихрь», шесть бачков с бензином да два охотничьих ружья при всей силе на себе не унесешь. А вот в какую сторону уехал — не скажешь, на воде следов не остается.

— Ну, что у вас? — спросил Иванов.

— Ничего, — ответил Шипицын. — Видимо, вор в рукавицах работал.

— Неудивительно. Ночи теперь холодные. Что ж, будем искать вслепую.

Лейтенант и начальник райотдела, пригласив нужных для выяснения обстоятельств людей, заторопились в поселок. Не успели они опросить всех, как в комнату вошел участковый. По слегка побледневшему лицу Селезнева было видно, что он чем-то не на шутку встревожен.

— Сейчас мне рассказали, что вчера видели Мошегова, он к матери заходил.

— Не может быть, — вырвалось у Иванова, — он же осужден.

Капитан помнил этого здоровенного, упрямого и угрюмого парня. Дважды судимый раньше за кражи, Мошегов недолгое время жил и работал в Сейве, затем снова был осужден на семь лет.

— Я тоже не верил, — прервал его мысли Селезнев, — но соседи утверждают, что он был.

Визит к матери Мошегова ничего не дал.

Анатолий Михайлович, посмотрев на усталые лица подчиненных, проговорил:

— Нам с вами, Владимир Алексеевич, здесь делать пока нечего. А вы, Селезнев, с помощью соседей и дружинников организуйте постоянное наблюдение за домом Мошеговой. Не исключено, что Егорка снова может здесь появиться. В случае чего действуйте и дайте нам знать.

— Понятно, — кивнул Селезнев.

В отдел они вернулись под вечер и не успели еще разойтись по кабинетам, как дежурный прочитал телефонограмму о побеге из мест лишения свободы Мошегова Егора Фомича.

На совещании у начальника райотдела присутствовали все оперативные работники отдела и товарищи, приехавшие из областного центра. Информация была короткой: перед побегом Мошегов говорил о намерении расправиться со свидетелями по его делу. Это накладывало на всех большую ответственность. Долго и обстоятельно разрабатывался план розыска преступника. На карту наносились линии, точки, кружочки, означавшие маршруты поиска, засады, посты наблюдения. И когда план был подписан Ивановым, каждый знал, в какой зоне и что ему делать.

Оставшись один, Владимир Алексеевич еще раз просмотрел сведения о родственниках Мошегова, потерпевших и свидетелях, еще раз вчитался в дело о краже и склонился над картой. Теперь протяженность участка его

уже не пугала. И все же, глядя на карту, он пришел к выводу, что зону свою изучил мало.

В кабинет зашел старший инспектор уголовного розыска Эдуард Боровых *.

— О чем задумался? — спросил он.

— Есть над чем. Гадаю, в какую сторону мог уйти Мошегов. Если вверх по Каме, то это усложнит нам розыск.

Боровых тоже посмотрел на карту.

— А мне кажется, что далеко он не уйдет. За северной границей района — леса, болота. Будет уходить вниз по Каме.

— Но это же опасно для него.

— Зато легче скрыться.

— Наверное, вы правы, — согласился Шипицын.

Он свернул карту, набрал номер телефона и после короткого разговора с женой вышел на улицу. На берегу, у лодки, его ожидали двое приезжих сотрудников, старший — Николай Павлович Буров, младший назвался Валентином. В высоких резиновых сапогах, кепках, брезентовых плащах, надетых на ватники, они были похожи скорее на рыбаков-любителей.

Русло реки, зажатое с обеих сторон рядами деревьев-долгожителей, казалось дном горного ущелья. Местами темные полосы леса обрывались, и тогда видны были недавние вырубki, зелень озими на осенних полях. Шипицын, умело управляя лодкой, сидел на корме и прислушивался к ровному гулу мотора.

— Скоро приедем? — спросил Валентин.

Владимир Алексеевич ответил не сразу. Он с улыбкой посмотрел на товарищей и заметил про себя: «Не призывали ребята к таким прогулкам. А ведь как хорошо-то...»

В Монастыре сделали остановку. В поселок Шипицын ушел один. Он побывал в отделении совхоза, переговорил с людьми и, возвращаясь, встретил еще одного знакомого.

— Здравствуйте, Иван Пахомыч.

— Здорово, товарищ начальник.

— Да какой я, Иван Пахомыч, начальник? Рядовой

* Капитан милиции Э. М. Боровых назначен начальником отделения уголовного розыска Гайнского ОВД.

уголовного розыска. — Владимир Алексеевич весело засмеялся.

Засмеялся и Иван Пахомыч.

— Егорку-то задержали? — спросил он.

— Пока нет. А что о нем здесь слышно?

— Ничего. Если вдруг, так я знаю, что делать. Старый разведчик.

— А вы поосторожней, он без ружья не ходит.

— Знаю. Куда спешишь-то? Может, зайдешь? Грибочками соленьенькими угощу.

— С удовольствием бы, Иван Пахомыч, да товарищи меня ждут, в Сейву торопимся.

— Успеешь. А перекусить на дорогу надо. Зови своих-то...

В Сейве они остановились у участкового инспектора.

— Что нового? — спросил Владимир Алексеевич.

— Побывал в поселках, поговорил с жителями. Подсказывают, что скрывается он в Чуртане у сестры. Проверил — нет, говорит, что не был. Засаду устроил у дома матери. Тоже не приходил.

— Сделаем так, — повернулся Шипицын к приезжим, — мы сегодня с Селезевым уйдем в верховья Камы, а вы с дружинниками останетесь здесь, перекроете дороги к поселку.

— Ночью пойдете? — спросил Буров.

— Ночью.

— Шум-то мотора далеко слышно.

— А мы на веслах. В Чуртане еще раз к сестре заглянем. Для вас же главное, товарищи, позаботиться о безопасности вот этих людей, — и Шипицын положил на стол список свидетелей по делу Мошегова.

Вернулся Шипицын в Гайны через неделю. Усталый и недовольный поездкой, он зашел к Иванову.

— А мы вас раньше ждали, — встретил его Иванов. — Садитесь, рассказывайте.

Шипицын коротко доложил о результатах поиска и еще раз подтвердил, что преступник скрывается в его зоне.

— Это для нас не ново. Важно, где и как его взять.

— Вышли мы на след, а вот дом сестры окружить не предусмотрели. Потом уже стало известно: пока мы разговаривали с хозяевами, Мошегов ушел через двор в лес.

— Да, — покачал головой Иванов, — оперативность.

Владимир Алексеевич готов был сквозь землю провалиться. Он не мог простить себе такой оплошности. А ведь знал, что Мошегова укрывают родственники или знакомые и делают это из боязни...

— Далеко не уйдет, — заверил он начальника.

— Не уйдет, но бед за это время натворит. Так что сегодня отдохните, а завтра — обратно.

Кончался октябрь. Ночи становились холоднее. Реки вот-вот покроются льдом. Вечером, когда над поселком нависла густая темнота, Мошегов пробрался в дом дяди и, не раздеваясь, лег спать. Двустволку и охотничий нож он положил рядом. Спал Мошегов беспокойно и чутко. С первых дней побега он чувствовал погоню и понимал, что с работниками милиции ему рано или поздно, но встретиться придется. Подгоняемый страхом, он метался по району, не зная, на что решиться.

Проснулся Мошегов от стука в окно. Он взвел курки и осторожно начал пятиться к выходу.

— Уходи через двор, — прошептал хозяин и, не зажигая света, подошел к окну. — Кто там?

— Откройте, из милиции.

— Сейчас оденусь, — ответил хозяин. Он включил свет и не спеша подошел к двери.

Оперативников было двое. Одного хозяин знал — участковый инспектор. Второй оглядел комнату и сердито сказал:

— Опять упустили. Давно он ушел?

— Кто?

— Не хитрите, — сердился второй. — Племянник ваш здесь спал?

На одеяле отпечатались темные полосы грязи, на полу чернели пятна, оставленные сапогами Мошегова.

— Недавно ушел, — мелко дрожа, признался хозяин.

— Эх, дед, дед, — сказал участковый и свистнул. В дом вошли еще двое.

— Ну что, братцы, опять проворонили? — недовольно спросил Шипицын и посмотрел на товарищей.

С братом Владимир Алексеевич встретился днем, рассказал ему о цели приезда. Наскоро пообедав, они вышли

на участок. Следы вели в Плес. Теперь Шипицын шел за преступником увереннее. В каждом поселке у него были люди, на помощь которых он мог рассчитывать в любое время. И вот снова неудача.

Через день Шипицын был уже в Чуртане, принимал заявление о пропаже лодки, а еще через день уехал в Гайны. Он торопился перекрыть преступнику путь вниз по Каме. Другой дороги у Мошегова не было. Это подтвердили и жители деревни Данилово, где Мошегов пьянствовал с друзьями и откуда, совершив кражу, уехал ночью на лодке. Рано утром вслед за ней ушел леспромхозовский катер с работниками милиции на борту.

У поселка Верхняя Старица они увидели лодку, на которой какой-то мужчина торопливо заводил мотор. Еще издали Шипицын узнал Мошегова. Мотор не заводился, и преступник, сердито пнув его ногой, вышел на берег. Повернул к берегу и катер.

Одетые по-рабочему, люди с катера, казалось, не обращали на Мошегова внимания. Но когда он оказался среди них, «рабочие» потребовали документы. Мошегов рванулся к лодке. Сильные руки удержали его.

Упорно отрицал Мошегов свое участие в кражах. Настойчиво, оперативно и дружно работали все сотрудники угрозыска, неопровержимыми фактами доказывая вину преступника. И когда была поставлена последняя точка и дело передали в народный суд, Владимир Алексеевич облегченно вздохнул.

Случаи, подобные розыску рецидивиста Мошегова, не так уж часты в милицейской практике Шипицына, да и без них жизнь Владимира Алексеевича и его товарищей полна беспокойства. Но какими бы тревожными и трудными ни были их рабочие будни, они приносят радостное удовлетворение.

ПО СЛЕДУ «ВОЛГИ»

Только редкие запоздалые пешеходы могли видеть, как «Волга», разрезая лучами фар ночную темноту, на большой скорости промчалась по дороге, оставляя за собой сонные улицы Перми.

Водитель, средних лет коренастый мужчина, умело управляя автомашиной, беспокойно смотрел вперед, изредка бросал острый взгляд на своего приятеля.

Тот свободно откинулся на спинку сиденья, сдвинув на лоб меховую шапку. Его красивое молодое лицо с ямкой на подбородке было усталым и бледным.

— О чем задумался? — хриплым голосом спросил водитель.

Хозяин меховой шапки приоткрыл глаза и неохотно ответил:

— О завтрашнем дне.

Водитель с улыбкой посмотрел на него:

— Завтра мы будем в Ижевске, затем в Москве, а через несколько дней в знакомом тебе Сумгаите. Ждет нас прекрасное завтра, ждут приятный ветерок Каспийского моря и лучшие рестораны Кавказа. Эх, давно мечтал о такой жизни!

— Только под конвоем неохота ходить с такой мечтой.

— Брось дурить! Уведем машину в горы. Ты же сам говорил, что там места глухие.

— До этих глухих мест тысячи километров.

— Пройдем, — уверенно ответил водитель и резко затормозил.

— Ты чего?

— Вылезай, надо номера заменить.

Водитель достал из чемодана два номера, карманный фонарь и отвертку.

— Держи, — попросил он приятеля.

— Где взял?

— У брата.

Поеживаясь от холодного ветра, принялись за работу.

Через несколько минут «Волга» под новым номером 51-82 ВАГ тронулась с места и устремилась вперед.

Сообщение об угоне автомашины из гаража ПМУ-1 поступило в Индустриальный отдел внутренних дел Перми утром 26 марта.

Некоторые работники предполагали, что это обыкновенный угон, какие нет-нет да и совершаются в городе. Как правило, в таких случаях преступники покатаются и оставляют транспорт на улицах. Того же мнения вначале придерживался и начальник отдела капитан милиции Валерий Андреевич Ельшин. За долгие годы работы в органах внутренних дел он не помнил случая кражи автотранспорта. Возможно, только поэтому он и отнесся к сообщению дежурного об угоне «Волги» более спокойно, чем ожидал старший лейтенант. Спросил только, знают ли об этом дежурные других отделов, и распорядился направить на место происшествия следователя, эксперта и работника уголовного розыска.

Оперативная группа вернулась около двенадцати. Знакомясь с материалами, Валерий Андреевич начал склоняться к мысли о том, что произошла самая настоящая кража. Шофер «Волги» приехал в гараж около десяти вечера, поставил ее на место, установил противугонное устройство и ушел домой. После него вернулись в гараж еще два водителя.

В кабинет Ельшина вошли эксперт оперативно-технического отдела Гошева, следователь Дудников * и заместитель начальника уголовного розыска Карачин.

Попросив всех к столу, Валерий Андреевич обратился к следователю:

— Юрий Петрович, ваше мнение?

— Сейчас трудно сказать, — начал Дудников, обду-

* Капитан милиции Ю. П. Дудников работает в следственном отделе УВД.

мывая каждое слово, — угон или кража. Ясно одно: преступление совершено лицами, знающими расположение гаража и обращение с противоугонным устройством.

— Вы считаете, что машину увел кто-то из работников этой организации?

— Возможно, и нет, — ответил следователь, — но, как я уже сказал, они хорошо знали обстановку.

— А в какое время угнали «Волгу»? — задал Ельшин общий вопрос.

Ответил снова Дудников:

— Мы пришли к выводу, что ее похитили после двадцати двух часов двадцать четвертого марта.

— Чем это подтверждается?

— Тем, что следы обуви двух неизвестных дважды вводили от стоянки автомашины за угол здания. Это значит, преступники проникли в гараж после ухода шофера «Волги» и подходили к ней, но в это время приехал шофер Волегов на ГАЗ-69, и им пришлось спрятаться. А когда они вторично подошли к машине, появился Мартынов на своем ЕрАЗе, и они снова ушли за угол.

— Отпечатки следов сняты?

— Не совсем четкие, — ответила Гошева.

— Подозреваемые есть?

— Конкретных нет, — сказал Карачин. — Мы взяли списки лиц, уволенных за прогулы и пьянство, а также установили несколько человек, которые знали о противоугонном устройстве. Займемся их проверкой.

— Правильно. Нужно серьезно поработать с этими людьми. А главное сейчас — составить план оперативно-следственных мероприятий, — продолжал Валерий Андреевич, — предусмотреть в нем создание автопатрулей, которые бы провели поиск не только на городских улицах, но и за городом, в лесных зонах. Их организацию я возлагаю на вас и начальника ГАИ, — посмотрев на Карачина, сказал Ельшин. — Подумайте, что можно сделать для успешного раскрытия преступления.

— Понятно, — ответил за всех Карачин.

Проводив взглядом подчиненных, Ельшин задумался. И было над чем. Под носом у сторожа угнали «Волгу», а он ничего не слышал и не видел. Безответственность и бесконтрольность. В рабочей тетради Ельшин сделал пометку о том, чтобы послушать объяснения начальника отдела охраны.

Желтая «Волга» районной госавтоинспекции круто развернулась и остановилась на асфальтированной площадке возле райотдела. Владимир Геннадьевич Быстрых, начальник ГАИ, прежде чем выйти из машины, снял фуражку и причесал светло-русые волосы. В лицо дохнуло запахом весны и слабым вечерним морозцем. Сегодня Быстрых принимал участие в поиске автомашины. За два дня патрули исколесили почти все улицы города, все дороги вокруг, беседовали со многими работниками милиции, дружинниками, но выйти на след угнанной «Волги» не удалось.

Быстрых прошел к Валерию Андреевичу Ельшину, доложил о безрезультатности поиска и убедительно доказал, что в городе пропавшей машины нет. Он предложил работу патрулирующих групп прекратить.

Капитан согласился, однако предупредил начальника ГАИ:

— Мы не знаем, где машина. Возможно, стоит в каком-нибудь гараже. Ослаблять внимание автоинспекции нельзя.

Не имели успеха и усилия работников уголовного розыска. Встретив через несколько дней Юрия Александровича Карачина, следователь Дудников спросил:

— Ну, как дела у шерлокхолмсов? «Волга» сигналов не подает?

— Нет, — ответил Карачин. — А ты всех допросил, кого мы имели в виду?

— Конечно. Да что толку! Никто ничего не знает.

— Я тоже с ними разговаривал.

— Тем более. А тех двоих уволенных проверили?

— Дал задание одному из работников.

— Ну что ж, пожелаю успеха, — проговорил Юрий Петрович.

Старший лейтенант нахмурился. Он знал, как иногда добываются успехи, не первый год в уголовном розыске.

Через несколько дней на работу вышел Леонид Егорович Шилов *. Экзамены за второй курс юрфака он сдал успешно. Хотя сессия еще не закончилась, начальника уголовного розыска потянуло в отдел. Пришел он во второй половине дня, когда большинство сотрудников разо-

* В 1976 году капитан милиции Л. Е. Шилов успешно окончил университет. Ныне является заместителем начальника Индустриального ОВД г. Перми.

шлись по своим зонам и только двое оставались на местах. Один беседовал с подозреваемым в краже, второй — с группой подростков, задержанных на территории продуктовой базы.

Вскоре появился Карачин и, увидев Шилова, радостно обменялся рукопожатием.

— Как дела? — спросил Шилов.

— Похвастать нечем, — ответил тот, раздеваясь.

— А как с «Волгой»?

— Ничего хорошего. Составили план, в котором разработали несколько версий, опросили большую группу работников гаража. Были там двое рабочих. Теперь они уволены из этой организации. Сначала складывалось предположение, что кто-то из них причастен к угону. Оба имеют удостоверения водителей, оба знают о противоугонном устройстве. Проверили — не они. Один работает слесарем в автохозяйстве, второй — шофером. Никуда из Перми не выезжали и в ночь на двадцать четвертое находились дома.

— А дальше что? — поинтересовался Шилов.

— Вместе с работниками ГАИ продолжаем проверку гаражей. Есть еще один, Самойлов. Он тоже знал о противоугонном устройстве, я выяснил это только вчера и сегодня пригласил его к себе.

— Пришел?

— Да, здесь.

— Пусть заходит, будем беседовать, — попросил Шилов.

В кабинет осторожно вошел невысокого роста мужчина лет тридцати пяти.

— Садитесь, — предложил Шилов и пристально посмотрел на вошедшего. — Ваше имя и отчество?

— Называют Василием, а величают Захаровичем, — негромко ответил тот.

Разговор проходил непринужденно. Василий Захарович охотно отвечал на вопросы. Его спросили, кто же еще мог знать о противоугонном устройстве. Он задумался.

— С теми, кто знал, вы уже разговаривали, а вот кто еще — затрудняюсь сказать. Мог знать один человек, но он давненько у нас не работает, да и не пойдет на такое дело.

— Кто же?

— Бывший завгар Соснин. А вот как звать? Забыл.

— А почему он уволился?

— Точно не знаю, но говорят, что с кем-то не поладил.

— Да, и этот круг замыкается, — недовольно произнес Карачин, когда Василий Захарович вышел, — и надо начинать все сначала.

Несколько минут они сидели молча. Шилов смотрел в окно, а Юрий Александрович что-то писал на листке бумаги.

— Не надо волноваться, бывает и трудней, — вдруг проговорил Леонид Егорович. — Не все еще потеряно. Возможно, через Соснина выйдем на след. Он ведь долго работал там и многих знает.

Юрий Александрович Карачин вышел из автобуса и до дома, в котором жил Соснин, шел пешком. Хозяина дома не оказалось. Жена Соснина рассказала, что он после увольнения из ПМУ-1 нигде не работал и последние дни находился в отъезде.

— Куда он мог уехать?

— Сказал, что один знакомый купил в Ижевске «Москвича» и попросил перегнать его своим ходом до Баку.

— Когда он уехал и с кем?

— Уехал в пятницу, две недели тому назад, — ответила женщина, — но с кем — не знаю. Говорил, что поедет с каким-то Сашкой, с которым вместе когда-то работал. Из Ижевска он мне позвонил, сказал, выезжает в Баку. Вот и все. А что случилось? — забеспокоилась она.

— Да нет, ничего, — уклонился Карачин, — а скажите, когда и где они с этим Сашкой работали?

— Года два назад в таксопарке.

Карачин попрощался с хозяйкой и поспешил в райотдел. «Совпадает время выезда Соснина из города, да и объяснение его с женой довольно странное, — рассуждал он дорогой. — Теперь нужно установить, кто такой Сашка».

Юрий Александрович взял список абонентов, нашел номер телефона диспетчера таксопарка, снял трубку. Ему ответил приятный женский голос:

— Александр, говорите? Нет, у нас все водители на своих местах, за исключением тех, кто в отпуске и на больничном.

— Спасибо, — поблагодарил старший лейтенант и набрал другой номер.

Диспетчер другого таксомоторного парка сообщил, что водитель такси Перевалов Александр Федорович именно с 24 марта не выходит на работу по неизвестной причине.

— Скажите его адрес.

Вскоре Юрий Александрович нажал кнопку звонка в квартиру Перевалова. Открыла молодая женщина. Стараясь быть спокойной, она пригласила в комнату и указала на стул. На вопрос Карачина ответила, что ее сожитель Перевалов уехал с Сосниным в командировку.

В тот день Карачин вернулся в отдел поздно. Страхнув с пальто и шапки сырые снежинки, он разделся и позвонил дежурному...

За окнами вагона нависла густая темнота. Перевалов беззаботно спал, раздражая своим протяжным храпом Соснина. Тому не спалось. Прислушиваясь к равномерному стуку колес, Соснин старался успокоиться, но не мог. Всею виной телефонный разговор с женой в Москве. Жена взволнованным голосом сообщила, что за ним приходили из милиции, и осторожно спросила:

— Что ты мог наделать?

Соснин постарался успокоить жену, сказал, что это какое-то недоразумение и завтра он будет дома. Дрожащей рукой он повесил трубку и пошел к вокзалу.

Перевалову о разговоре с Пермью он ничего не сказал. Оставшееся до отправления поезда время они провели в ресторане. Перевалов шутил со знакомой официанткой: накануне она назвала им адрес квартиры, где они хорошо отдохнули. Соснин сидел грустный, ковырял вилкой остывший бифштекс. В вагоне его больше всего мучил один вопрос: как поступить? То, что его приезда ожидают работники милиции, он ясно понял из разговора с женой. Но что они знают? Что рассказала им жена? Знают ли они о Перевалове? Соснин в который раз вставал с постели, нервно закуривал и в раздумье ходил по купе.

Чем больше он думал, тем больше мучили угрызения совести. Сильным рывком он открыл окно вагона и выбросил в темноту чемодан, пальто, пиджак и шапку. Резкий холодный ветер хлестал в лицо.

— Ты что? — услышал он грубый голос Перевалова. — С ума сошел?

Руки спутника оторвали его от оконной рамы и отбросили на нижнюю полку купе. Соснин уткнул лицо в подушку и молча заплакал от пережитого страха.

Утром Карачин докладывал начальнику:

— Соснин уехал вечером двадцать четвертого марта на такси. С кем и куда, не установлено, но можно уверенно предполагать, что с Переваловым.

— Кто такой Перевалов?

— Перевалов Александр Федорович, тысяча девятьсот сорок седьмого года рождения, работает шофером такси, но с двадцать четвертого марта на работу не выходил. Перевалов в прошлом году ездил на Кавказ, по просьбе одного грузина за двести пятьдесят рублей перегонял своим ходом автомашину.

— Фотографии Соснина и Перевалова есть?

— Я отдал их размножить.

— Правильно. Что думаете делать дальше?

— Уверен, что они через несколько дней вернутся в Пермь. Организуем наблюдение за квартирами, разыскивать их за пределами города трудно. Мы не знаем, в каком направлении они уехали. Соснин дважды звонил жене.

— Когда?

— Из Ижевска на следующий день после отъезда и через несколько дней — из Москвы. Разговоры были короткими. Из Москвы, в частности, сообщил, что скоро вернется домой.

— Можно полагать, что они чувствуют себя спокойно, — проговорил Валерий Андреевич. — Нужно сегодня же дать телефонограмму в УВД Москвы, Баку, Ижевска на их розыск и задержание. Фотографии вышлите почтой. Мы пока не знаем, где они и скоро ли будут здесь. Кстати, мы не должны ослаблять розыскной работы и по другим направлениям. Может оказаться, что Соснин и Перевалов вообще не причастны к угону «Волги».

— Мы это имеем в виду, товарищ капитан, и ведем проверку лиц, ранее судимых за аналогичные преступления, — ответил Карачин.

— Хорошо, продолжайте эту работу.

— Нужно как можно быстрее закончить проверку всех автохозяев и мастерских по ремонту автотранспорта, выяснить, не могла ли оказаться «Волга» в каком-либо гараже, не обращался ли кто-то с просьбой о перекраске машины.

— Эта работа проводится силами работников ГАИ и участковых инспекторов. Большинство автохозяев и ремонтных мастерских проверено. Продолжаем работу по задержанию Елисеева за угон «Москвича», но маловероятно, чтобы он имел какое-то отношение к похищенной «Волге».

— Я полагаю так же, — сказал Ельшин. — Можете идти работать.

О приезде Перевалова в Пермь Ельшин и Шилов узнали вечером. На коротком совещании мнения работников отдела о том, как поступить, разошлись. Одни настаивали на немедленном задержании, другие были против: достаточных оснований для привлечения Перевалова к следствию мало. Предложения и тех и других казались убедительными. Ельшин поддержал тех, кто предлагал подождать. Ждать пришлось недолго. Перевалов, узнав о телефонном разговоре Соснина с женой, не на шутку встревожился. Он не ожидал столь быстрого провала. Терзаемый беспокойными мыслями и страхом, бродил по улицам города, не решаясь зайти домой. Утром, уставший и мрачный, он обратился к дежурному отдела милиции с просьбой проводить его к следователю.

В кабинет Перевалов вошел испуганно и осторожно.

— Вы по какому вопросу?

— Я... Перевалов.

— Тот Перевалов, что... — Дудников не договорил.

— Да, пришел с повинной и прошу учесть мое заявление.

— Мы вас ждали, Перевалов. То, что вы явились сами, хорошо. Садитесь и рассказывайте все по порядку.

— Однажды вечером, — начал Перевалов, — я встретил своего знакомого Соснина. С ним мы раньше работали в одном автохозяевстве. Он поинтересовался моей поездкой в Сумгаит — я перегонял туда автомашину гражданину Хазову — и предложил принять участие в угоне «Волги». Я сомневался в успехе этого дела и все же

дал согласие. — Перевалов на минуту умолк и опустил глаза.

— Так, дальше.

— Мы благополучно доехали до Сумгаита, где нашли покупателя и продали машину. На обратном пути Соснин из Москвы позвонил жене. О чем они разговаривали, я не знаю, только в поезде он мне сказал, что нашего приезда ожидает милиция. Я много думал над тем, как поступить. Уехать подальше от города, стать бродягой, жить в постоянном страхе? Такая жизнь меня не устраивала. Во мне боролись страх и совесть. И вот я пришел.

— Это хорошо. Ведь рано или поздно, но отвечать придется, — проговорил следователь и спросил: — Но что заставило вас пойти на кражу?

Перевалов молча пожал плечами. Что же действительно? Деньги, красивая жизнь, о которой мечтал Соснин в начале поездки? Нет.

— Сам не пойму, — ответил Перевалов.

— Где может быть Соснин?

— Сейчас не знаю, он остался на одной из станций у родственников.

— На сегодня хватит, — следователь попросил Перевалова прочитать протокол и расписаться в нем.

«Будем ждать Соснина, явится сам», — подумал Дудников. Он словно чувствовал это.

Оставшись у родственников, Соснин не столько жалел выброшенных из окна вагона вещей и денег, сколько украденной у самого себя жизни, о годах, которые придется провести в местах лишения свободы. Он знал о явке Перевалова и после долгих размышлений тоже пошел в милицию.

Серого цвета «Волга» сверкала под золотистыми лучами майского солнца. Шофер ПМУ-1 Арташов с радостной улыбкой осматривал свою машину, любовно трогая ее, словно не верил, что та самая «Волга», к которой он так привык за два года, снова вернулась к нему.

Группа работников милиции стояла вблизи от машины. В центре внимания были Александр Константинович Беспятых и Иван Федорович Козицын. Это они проделали дальний путь из Перми до горного селения Азербайджана, чтобы изъять машину и вернуть ее государству.

ТРИ ВСТРЕЧИ

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Первая моя встреча с Таисией Андреевной Герасимовой* была на бегу. Слишком много гостей приехало в тот день в Краснокамск: около ста работников районных отделов внутренних дел, участников областного семинара, знакомились с лучшей в области детской комнатой милиции. Таисия Андреевна смущалась. Скромность, требовательность к себе не позволяли ей считать свою работу лучшей.

Начались поездки по городу. Но прежде была встреча с первым секретарем городского комитета партии А. И. Дубницким, председателем горисполкома В. И. Тараненко, заместителем председателя горисполкома председателем комиссии по делам несовершеннолетних З. А. Волковой. Они рассказали гостям о своем городе.

Краснокамску немногим больше тридцати лет, и средний возраст горожан — тридцать. Нынешние школьники — их одиннадцать тысяч — в основном второе поколение коренных краснокамцев. Заботятся о них и школа, и детские секторы клубов, и различные общественные организации, и просто сотни хороших людей. Среди них — заместитель начальника нефтегазодобывающего управления Краснокамскнефть Дмитрий Дмитриевич Графов (он начальник городского штаба по работе среди детей и подростков при горкоме КПСС), шефы подростков передовики производства старший дефибрерщик с бумкомбината кавалер ордена Ленина И. А. Драчев, столяр В. В. Мержиевский, мастер Р. Т. Мальцева. И, конечно, в числе первых надо назвать Таисию Андреевну Гераси-

* Сейчас капитан милиции Т. А. Герасимова находится на пенсии.

мову. Двадцать пять лет она работает инспектором детской комнаты милиции.

Я спросила Таисию Андреевну:

— В чем суть работы детской комнаты?

— Суть? Суть в том, чтобы реже к нам обращались. Вот когда нужда в детской комнате отпадет совсем, я буду считать, что долг свой выполнила.

Я часто потом вспоминала эти слова. Вспоминала и когда директор бумкомбината рассказывал о том, что работающие на комбинате подростки за последний год не совершили ни одного проступка. У каждого молодого рабочего — наставник, уважаемый на производстве человек. Молодежь работает, учится, участвует в общественной жизни предприятия — с чего же и когда хулиганить?

Вновь пришли на память слова Таисии Андреевны во время знакомства с одним из детских клубов. В Краснокамске одиннадцать детских клубов и двадцать восемь хорошо оборудованных детских площадок. «Факел» — один из самых лучших. По вечерам здесь собирается более ста подростков, живущих поблизости. Занятия — на любой вкус. Интересуешься техникой — тебя ждут прекрасно оснащенные радиокабинет, кабинет телемеханики, фотолаборатория, авиамодельный кружок. Хочешь научиться шить — открыта портновская комната. Любишь природу — занимайся в живом уголке, где есть и рыбы, и птицы, и звери. «Факел» проводит соревнования по плаванию в собственном бассейне, устраивает концерты в собственном концертном зале... Трудно перечислить все, чем располагает детский клуб. А главное — здесь есть люди, которые уважительно относятся к ребятам: Леонид Иванович Федоров, Антон Степанов, Юля Фролова, Таня Перчик и другие. С ними постоянно связана Таисия Андреевна, часто интересуется: как ведут себя ее недавние подопечные? А ребята заняты делом, им некогда и неинтересно бессмысленно шататься по улицам.

Такие клубы в Краснокамске начали создаваться больше десяти лет назад. Первые их воспитанники уже выросли, а Таисия Андреевна вместе со своим активом думает, как привлечь в клубы всех подростков, как сделать, чтобы всем было интересно. Она идет в школы и выясняет, что, по мнению ребят, мало еще в клубах технических кружков, и на комиссии по делам несовершеннолетних доказывает, что необходимо учесть мальчишечьи запро-

сы. Идет на прием к хозяйственным и партийным руководителям города, напоминает, что на детских площадках нужны воспитатели-мужчины. Приходит время — и сооружен автодром, начинают работать кружки друзей ГАИ, стрелковый, служебного собаководства, самбо.

А Таисия Андреевна снова хлопочет... Ей очень хочется, чтобы в детской комнате милиции было как можно меньше посетителей.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

Поздний вечер. Тихо в детской комнате милиции. Только что ушел школьный патруль — две девочки и трое мальчиков. Инспектор Ида Целищева читает в журнале происшествий их записи. Улыбается: боевые ребята, а грамматику им нужно подтянуть. Таисия Андреевна сейчас на очередном обходе. Наиболее трудные семьи она непременно посещает сама. Наконец хлопает входная дверь и на пороге появляется долгожданная хозяйка. Она замерзла, потирает руки, лицо озабоченное.

— Была у Чепкиной. Опять пьяная, мальчишка голодный. Два года парню, а сколько горя уже видел. В комнате грязь, бутылки. Стала стыдить, а с нее как с гуся вода. Соседки взяли Андрейку, накормили. Когда уходила, он уже спал... А я все переживаю, что сплеховала. Обычно беру с собой на обходы что-нибудь, а сегодня ничего не взяла, ни пряничка, ни конфетки... Все не могу глазенки его забыть.

Уже ушла Ида, в доме напротив погасли огни, а мы все говорим. Потом идем по ночному городу, и Таисия Андреевна, обычно сдержанная и даже стеснительная, рассказывает, горячится:

— Может быть, я и несправедлива, но, если что случается с ребятами, — всегда взрослых виню. Может быть, потому, что я всю жизнь с ребятами, ближе они мне, хотя в детскую комнату милиции работать попала случайно...

Случайно? А может быть, и нет.

Родилась она в селе Александровка, в центре России, в песенном Воронежском крае. Ее баловали, насколько можно баловать младшую в большой крестьянской семье. Училась, мечтала. Война оборвала все планы и все

мечты. Десятый класс она заканчивала, как и все сверстники, в тревоге за судьбы близких (старшие братья уже воевали), за судьбу страны.

Их десятый сдал всего два экзамена, и больше учеников уже не называли мальчиками и девочками. Они были бойцами трудового фронта. Рыли траншеи. А вскоре она простилась с матерью и ушла в действующую армию. Телеграфистка авиационных частей сержант Герасимова воевала под Москвой, под родным Воронежем, под Ленинградом, закончила войну в Берлине. Всякое было на войне. Однажды под Ленинградом их, девушек-телеграфисток, поставили охранять склад. Ее пост был дальним, вокруг лес, ветер раскачивает деревья, а ей все кажется, что кто-то крадется. А когда услышала в ночной тишине шаги — это шла смена, — не выдержала, закричала: «Мама!» От нервного напряжения бывали приступы куриной слепоты. Они были совсем девочки тогда, Тася и ее подруги.

Хорошим солдатом была Таисия Герасимова: ее ратные подвиги отмечены многими боевыми медалями. Двадцати лет встретила победу. И сразу домой, к маме. И сразу вопрос: что делать? Хотелось учиться, в будущем видела себя учительницей, но надо было работать, помогать матери. Позвала ее к себе в Краснокамск сестра. Вот так, случайно, оказалась Тася Герасимова в городе на Каме. Первое время удивляло название города — Краснокамск. Потом поняла: все на Западном Урале так или иначе связано с Камой. Вот и Краснокамск стоит на Каме и пошел-то от бумкомбината, а бумкомбинат лесом питается, что идет по Каме. Красота здесь неопишуемая, сосны как в сказке...

Комсомолка, она прежде всего пришла в горком комсомола. И ее направили в детскую комнату милиции.

— Было трудно, — вспоминает Таисия Андреевна, — и не только потому, что время было нелегкое, многие семьи остались без кормильцев, горя хлебнули и дети, и взрослые. Работать было трудно потому, что одна была. Поначалу никакой связи ни с кем. И поняла я: один в поле не воин. Обратилась в горком комсомола, в горком партии, в школы. Сейчас контакты у меня самые тесные. Успех любой работы в единении, ну, а нашей — еще и в доброте. По-моему, доброта и есть главное в нашей работе... А меня однажды бывший подопечный упрекнул:

все, говорит, у вас хорошо, да вот только очень вы добрая. Тогда уже он совсем взрослый был, рабочий человек, в армию собирался, а я вспомнила его таким, каким первый раз встретила, после побега из дому...

Немытый, обросший, наверное, голодный — вон как смотрит на хлеб с колбасой. Лицо напряженное, замкнутое. Не первое «путешествие», знает: нотации будут читать. Таисия Андреевна провела легкой рукой по мальчишеской голове.

— Иди умойся.

Потом накормила, напоила чаем, спросила:

— Хочешь, достану тебе щенка?

— Настоящего? — У мальчика глаза округлились.

— Конечно... Вырастишь — будет овчарка.

Долго еще не давался в руки этот упрямый Борис-барбарис. Но из дому больше не убегал, и в школе тоже дела постепенно наладились. Все время проводил со щенком.

Однажды пришел таинственный:

— Какие-то подозрительные люди ходят возле железнодорожных складов. Я уже несколько дней наблюдаю.

Сначала она ему не поверила. Но был Борис из породы настырных, убедил. И не только ее, но и товарищей из районного отдела милиции. Взяли склады под наблюдение. Через несколько дней наблюдение сняли. Ей попало на оперативке, потом долго смеялись:

— Нашла Шерлока Холмса.

Таисия Андреевна даже всплакнула, но, когда один из товарищей сказал: «Врун он, твой Борька», возразила: «Просто фантазия у него богатая. А потом... он же за общее дело беспокоился».

Когда закончил Борис школу — поступил на бумкомбинат. К тому времени он растил уже третью собаку, две его воспитанницы служили на границе.

Вокруг Бориса всегда увивались мальчишки, авторитет его был непререкаем. И вот однажды после смены он пришел в детскую комнату милиции. Они долго разговаривали тогда. Ей был радостен этот разговор. Она видела, какой он стал большой, умный, совсем взрослый. Вот тогда и сказал Борис:

— Хороший вы воспитатель. Только уж очень добрая.

А потом ушел парень в армию со своим Мухтаром. И вскоре командование части прислало Таисии Андреев-

не письмо: может ли она рекомендовать Бориса Н. в пограничное училище?

— Приезжал недавно наш Борис в отпуск, — светло улыбается Таисия Андреевна. — Пришел в детскую комнату. Ребята с него глаз не спускают: пограничник, лейтенант. Подтянутый, brave. Я посмотрю на него — и слезы в глазах от радости...

Мне об этом приезде Бориса рассказывала и инспектор, которая работает с Таисией Андреевной. Борис был свидетелем ее разговора с провинившимся мальчишкой. Когда тот ушел, Борис сказал:

— Зачем вы так... строго... Добрее надо.

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ... И НЕ ПОСЛЕДНЯЯ

Таисия Андреевна листает подшивку городской газеты. Часто появляются в «Краснокамской звезде» материалы на темы воспитания. О чем пишет газета?

В парткоме комбината состоялся семинар по индивидуальному шефству над подростками. Присутствовало сорок наставников.

В детском клубе «Гагаринец» прошел вечер бальных танцев.

Постановка «Чиполлино» — несомненная удача детского самодеятельного коллектива Дворца культуры. Декорации, костюмы, грим, музыка, свет — все продумано до мелочей. Игра юных актеров легка, непринужденна.

Вот большая статья Дмитрия Дмитриевича Графова:

«...Лучших ребят мы ежегодно направляем в туристские поездки. Они побывали в Ленинграде, Ульяновске, Казани, Уфе, Кирове, Москве. Маршруты ребята выбирают сами.

В скором времени будет заселен стоквартирный дом нефтяников по улице Суворова. Там тоже отведено помещение для ребят. Клуб, который мы здесь организуем, разместится на площади пятьсот квадратных метров. Мы решили назвать его именем Ф. Э. Дзержинского. Предполагается открыть в этом клубе кружки друзей ГАИ, служебного собаководства, самбо, стрелковый, фото и радиотехнический. Будет создан отряд юных друзей милиции...»

— О хороших делах и читать, и писать приятно, — говорит Таисия Андреевна. — А вот мне сейчас нужно писать о том, как отражается пьянство на судьбах детей. И не вообще пьянство... Написала заголовок «Когда мама пьет», а дальше писать тяжело. А надо. Ради Андрейки, ради других ребятишек, у которых нет пока нормального детства. Мы обязаны требовать от горе-родителей соблюдения их долга перед обществом.

Это не такое уж легкое умение — требовать, знать, от кого, что, когда нужно требовать.

Зачастую, анализируя какое-нибудь происшествие, мы прибегаем к удобной и не обременительной ни для кого формулировке «общественность виновата». Но общественность не безлика, она состоит из меня, вас, его. И за любое происшествие мы по-разному отвечаем, и требовать с нас нужно по-разному. А начинается многое чаще всего с семьи.

Вновь открываем краснокамскую газету. Вот что пишет следователь прокуратуры, юрист второго класса А. Селетков: «Можно безошибочно сказать, что в большинстве случаев совершают преступления те подростки, над которыми нет родительского контроля». Он анализирует преступление, совершенное четырьмя подростками: за три месяца они стали участниками пятнадцати краж. Ни один из этих ребят в школе не учился, кражи происходили в ночное время, а родители не знали, где находятся и чем занимаются их дети. «Такие родители любят поговорить о школе. Мол, школа не привила детям элементарных знаний, не внушила, что нельзя красть. А что же они сделали сами? В первую очередь на родителей ложится ответственность за проступки детей. С них и спрос».

— Я полностью согласна с этими словами. — Таисия Андреевна подняла глаза от газетной статьи. — Весь мой жизненный опыт говорит: совершил преступление ребенок — ищи вину в семье. Посудите сами. Сергея Мельникова в его девятнадцать лет уже знают в медвытрезвителе. И это неудивительно: он с детства видел пьянку в семье, был свидетелем издевательств отца над матерью... А кем будут, когда вырастут, дети Есиной? Она сейчас бросает их одних, пьянствует...

Таисия Андреевна подписывает статью. Мы относим ее в редакцию, потом прощаемся. Она спешит на фабрику Гознака: там очередная беседа с родителями,

Я снова иду по улицам Краснокамска и думаю о женщине, с которой только что рассталась. Как будто и не очень гладко сложилась ее жизнь. Война отняла юные годы, не было своей семьи, никто не называл ее мамой. И все же не обошло счастье Таисию Андреевну: сотни ребят обязаны ей своим вторым рождением.

СТАРШИЙ ЭКИПАЖА

Каждый день в определенный час на улицы города выходят обычные на вид милицейские машины. Одно отличие можно разглядеть на корпусах машин — печатные буквы ПМГ, что означает «подвижная милицейская группа». Главная задача группы — предотвращение уличных преступлений.

В одной из таких машин совершает очередной патрульный объезд района экипаж лейтенанта Валерия Ивановича Катаева. Сам он сидит рядом с водителем и зорко всматривается в опустевшие ночные улицы. Начеку и его боевые друзья.

Привяжется ли на улице пьяный к женщине, затеют ли драку подростки, или опытный рецидивист совершил преступление и пытается уйти от возмездия — в любом случае ПМГ должна прийти на помощь: обезвредить хулигана, задержать преступника, предотвратить возможность уличного или дорожного происшествия.

Рабочая смена подвижной группы — это калейдоскоп событий, каждое из которых требует от членов экипажа немало знаний, находчивости, мужества и смелости.

По образованию Катаев техник-механик. После армии, службу в которой закончил заместителем командира взвода, он учился в техникуме, а затем продолжительное время работал мастером в училище профтехобразования. Группа автослесарей досталась ему трудная, недружная. А все из-за того, что нашлось несколько ребят, которые и обидеть своих сверстников были не прочь, а то и деньги отобрать. Катаев решил собрать всю группу, поговорить с ребятами прямо. Он так и сказал: «Нас много,

а дебоширов — единицы. Неужели мы не наведем порядок в своем собственном доме?» И навели. Дружная стала группа. И успеваемость сразу поднялась. На первое место вышел класс Катаева. И в других группах стали действовать так же. В училище организовали вечерний патруль, создали при помощи участкового инспектора Голояда отряд юных друзей милиции.

После того как навели порядок в училище, решили распространить свое влияние на ближайшие кварталы. А вскоре Катаев уже возглавлял молодежный оперативный отряд всего Мотовилихинского района. Способности Валерия Ивановича были замечены. Его пригласили к начальнику отдела подполковнику Владимиру Константиновичу Сеземину и предложили работу в уголовном розыске.

Без долгих раздумий согласился, поступил в Новочеркасскую школу милиции, изучал и государственное право, и методы розыскной работы, и самбо. И вот уже несколько лет, как инспектор уголовного розыска Катаев работает в подвижной милицейской группе.

Возглавил он свой экипаж 4 августа 1972 года. Это был торжественный и надолго запомнившийся день.

Все машины вновь организуемой службы были выставлены у здания областного управления внутренних дел. К экипажам с речью обратился начальник управления генерал-майор милиции И. В. Мажура. Он подчеркнул важность новой формы работы и выразил уверенность, что экипажи оправдают оказанное им доверие. Машины сразу вышли на линию.

Преимущества ПМГ сказались в первый же день работы. Группа Катаева уже заканчивала маршрут, шел второй час ночи, когда по радию поступил сигнал. Дежурный помощник начальника отдела сообщил, что на улице Жигулевской на втором этаже особняка, хозяева которого уехали в отпуск, почему-то горит свет. Машина мчится на окраину города. Через пять минут ее встречают испуганные женщины. Это они звонили в милицию. В окне дома действительно горит свет. Катаев и его помощники осматривают замок. Он на месте, не поврежден. Тогда они вскрывают все запоры, поднимаются по лестнице и входят в коридор. У порога лежит огромный полиэтиленовый куль с бензином. Рядом на ящике горит электрическая плитка, на которой уже обуглились и нависли над

горючим тонко наструганные лучинки. От плитки в разные стороны тянутся жгуты бумаги, а там в углах тоже кульки с бензином. До взрыва и пожара остаются секунды. Катаев приказывает всем покинуть помещение, а сам, разобравшись в схеме последовательного включения плитки, дергает за один из протянутых к ней шнуров. Как выяснилось позже, хозяин дома задумал совершить поджог, чтобы получить крупную страховую сумму. Преступник пошел на это, хотя и знал, что во время пожара могут погибнуть люди, живущие на первом этаже.

В работе члены экипажа находчивы и бесстрашны. Однажды приказ, переданный по радиации, привел их и лейтенанта Иовика к дому номер тридцать по улице Макаренко. Пьяный дебошир закрылся в квартире и угрожал ружьем. В ответ на требование открыть дверь хулиган начал стрелять. С Катаева слетела шапка. Восемь выстрелов прозвучало из-за закрытой двери, но члены группы не растерялись, действовали четко и умело. Преступник был разоружен, задержан и предстал перед судом.

Машина идет на патрульной скорости по улице Крупской. На обочину дороги выбегает мужчина, машет рукой. Гончаров уже заметил что-то неладное, круто поворачивает к саду девяносто седьмой школы. Оказывается, только что трое неизвестных избили двух пожилых людей, отобрали у них вещи. Женщины-свидетельницы подсказывают, в каком направлении ушли преступники. И сразу же, как обычно, понимая друг друга по взгляду и жесту, члены группы рассредоточиваются. Один устремляется в глубь квартала, Катаев оказывает потерпевшим помощь, водитель нажимает на газ и сворачивает на соседнюю улицу КИМ. Преступники схвачены в считанные минуты...

Выход на улицы города машин ПМГ явился для хулиганов ошеломляющей неожиданностью. Они не могли понять, каким чудом и откуда появляется эта машина с синей полосой в самый разгар их безобразий или сразу же после совершения преступления.

Экипаж Катаева не только проявляет себя в роли группы захвата, но и ведет большую, кропотливую профилактическую работу — например, изучает группы подростков, бесцельно слоняющихся по улицам. Подвижная милицейская группа тесно связана с общественностью микрорайонов, с пенсионерами, отрядами юных

друзей милиции, дружинниками. Все это помогает предотвратить преступность, бороться с нею, успешно вести розыск по приметам.

Когда на Городских Горках трое хулиганов избили мужчину и женщину, всего и примет-то было: один из парней — в сером пальто и красной вязаной шапке, да еще кличка Зыка, произнесенная кем-то.

Преступление совершилось около семи вечера, а сигнал группе на этот раз поступил с опозданием, в десятом часу.

И начался розыск по приметам.

Катаев сам, изучая этот район, слышал такую кличку — Зыка. Поговорили с одной, другой группой ребят. Две девушки сообщили, что знают парня, который ходит с Зыкой, показали дом. В квартире этого парня на вешалке висело серое пальто, тут же и вязаная красная шапка. Через полчаса был найден другой хулиган, тот самый Зыка, ранее условно осужденный.

Знание людей, обстановки, в которой действует ПМГ, дает возможность Катаеву и его друзьям быстро и успешно вести розыск иногда сразу по двум происшествиям и вновь принимать сигналы дежурного по отделу.

В любой, самой сложной обстановке Валерий Иванович чувствует готовность своих надежных помощников Ермышкина и Гончарова прийти на помощь. Взаимная выручка и подстраховка стали непреложным правилом их совместной работы. Работа опасна и трудна. Ведь дело экипажу приходится иметь с самыми неосознательными и отстающими гражданами — пьяницами, хулиганами, бандитами. Но они знают, что их беспокойная служба нужна людям, она несет им покой, обеспечивает общественный порядок в городе.

Валерий Иванович Катаев и его боевые друзья с честью оправдывают оказанное им доверие. По итогам социалистического соревнования за 1974 год дружному коллективу Катаева было присвоено почетное звание «Лучший экипаж ПМГ».

Валерий Иванович охотно передает свой опыт молодым работникам отдела. В свое время помощником у него был Александр Чураков. Обучил Катаев специфике службы в ПМГ и своего младшего брата Германа. Теперь младший лейтенант Чураков работает старшим экипажа другой ПМГ, а сержант Герман Катаев является его по-

мощником. И успехи этой подвижной милицейской группы тоже значительны. Чураков, Герман Катаев, Мусихин стараются ни в чем не отставать от лучшего экипажа.

Много замечательных людей трудится в Мотовилихинском отделе милиции. Это грамотные, хорошо подготовленные люди, многие пришли в отдел по путевкам партийных и комсомольских организаций предприятий района. Среди них уже упоминавшийся здесь капитан Евгений Николаевич Шайдуров, представляющий целую милицейскую династию Шайдуровых. Среди них капитан Вилен Леонтьевич Колонский, заместитель начальника отдела уголовного розыска, и многие другие офицеры и рядовые милицейской службы. Среди них и экипаж ПМГ Валерия Ивановича Катаева, который и в этот вечер совершает свой нелегкий, но необходимый маршрут.

Н. Чернышов

ХОЗЯЕВА ПРАВОПОРЯДКА

Штаб добровольной народной дружины пермского моторостроительного завода имени Я. М. Свердлова разместился в нескольких просторных комнатах. Он оснащен пультом управления, телефонами и радиосвязью, светопланом района, необходимой наглядной агитацией. На одной из стен зала — фотографии лучших дружинников. Об истории дружины и отряда наглядно говорят фотоальбомы, планы, отчеты. Но лучше всего об этом может рассказать Константин Иосифович Матвиевский, бывший заместитель директора завода, а ныне пенсионер. Ему не нужно листать подшивки документов, вся жизнь дружины прошла на его глазах, все — в памяти, потому что Константин Иосифович стоит во главе штаба с начала его существования, с января 1959 года, когда на заседании партийного комитета был утвержден первый состав штаба.

Сейчас в оперативном отряде более 600 дружинников, в основном коммунисты и комсомольцы. Отряд разбит на роты, взводы и отделения. С появлением отряда изменился стиль работы дружины. Оперативники ведут профилактику по месту жительства, принимают участие в раскрытии преступлений, помогают работникам ОБХСС и ГАИ бороться с расхитителями социалистической собственности, с нарушителями Правил движения. За народной дружиной закреплена большая территория — почти половина района. Это около восьмидесяти семи тысяч населения, ряд промышленных и торговых предприятий, Дворец культуры имени Я. М. Свердлова, городской сад имени А. М. Горького, два стадиона. Улицы до поздней ночи многолюдны.

Я внимательно слушал Константина Иосифовича, который с увлечением говорил об успехах дружины. (в районе ей несколько раз присуждалось первое место с вручением переходящего Красного Знамени), рассказывал о взаимодействии с сотрудниками районного отдела милиции, вспоминал отдельные эпизоды из жизни оперативного отряда...

Народные дружинники чугунолитейного цеха неторопливо шагали по Комсомольскому проспекту, негромко разговаривая между собой. Их маршрут заканчивался. Пасмурный, но теплый сентябрьский вечер медленно клонился к ночи. Впереди показался прохожий. Он заметно покачивался. Оглянулся. Увидел людей с красными повязками на рукавах и быстро повернул в сторону, скрылся за углом ближайшего дома.

С площади, где установлен памятник работникам завода, погибшим в годы Великой Отечественной войны, ветерок доносил запах цветов. Дружинники часто проходили мимо этого места и всегда останавливались возле серого гранитного мемориала. Совсем недавно члены заводской дружины и оперативного отряда принимали здесь Торжественное обещание на верность Коммунистической партии, народу и делу охраны общественного порядка.

Постояв у памятника, всей группой направились к Дворцу культуры. Штаб дружины — рядом.

— Зайдем к дежурному, узнаем обстановку, — предложил товарищам старший группы Георгий Георгиевич Малелин. И вдруг послышался тревожный женский крик.

Дружинники бросились на зов. Из кустов выскочил парень в светлом плаще. Он оказался в кругу дружинников. Малелин и Stanislaw Яковлевич Руденко повели его в штаб. Остальные подошли к женщине. Та взволнованно рассказала, что парень отобрал у нее деньги. Патрульные пригласили свидетеля и потерпевшую с собой и поспешили за своими товарищами. В это время к Малелину и Руденко, сопровождающим задержанного, начали привязываться такие же подвыпившие парни.

Дружинники решили задержать компанию. Владимир Михайлович Майоров, Владимир Дмитриевич Меркулов и Александр Николаевич Мельников предложили пройти

с ними, пьяные ответили отказом, в руке одного из них блеснул нож.

— Подходи, кто первый! — закричал он. Патрульные смело двинулись на хулигана. Тот, пятась, споткнулся. Мельников бросился к нему, но незнакомец ударил его ножом в бедро и побежал...

В служебном помещении штаба было оживленно. То и дело раздавались телефонные звонки. Дружинники больше с брезгливостью и обидой, чем с любопытством, смотрели на доставленных пьяных, на того негодяя, который ранил Александра Николаевича. Это был черноволосый парень лет восемнадцати. Ожидали сотрудников милиции.

Вскоре те прибыли. Старший инспектор уголовного розыска Виктор Михайлович Субботин *, выяснив у дежурного штаба и старшего группы Малелина обстоятельства дела, под конвоем отправил задержанных в отдел.

Следователь отдела Галина Арефьевна Шихарева приготовила чистые листки протоколов допроса. Она спокойно задавала вопросы, внимательно слушала ответы и неторопливо записывала показания дружинников и свидетеля. Беседы с подозреваемыми пришлось отложить на утро: задержанные были пьяны.

На другой день после оперативного совещания Галина Арефьевна внимательно прочитала протоколы, объяснения задержанных, переданные ей Субботиным, и глубоко задумалась. Из показаний трудно было понять, кто и в чем виновен. Набросав план дальнейшего расследования, она пригласила задержанного Чемезова.

Постепенно из рассказа Чемезова выяснилось, что под вечер он пришел к своему приятелю по кличке Егор. Там уже были двое — Сашка и незнакомый парень. Вчетвером выпили десять бутылок красного вина, после этого вышли на улицу. Захотелось выпить еще, но денег не было. Сашка попросил Чемезова достать деньги.

Шихарева чувствовала, что Чемезов что-то недоговаривает, боится. С его дружками Фасхутдиновым и Шакуровым также не получилось откровенной беседы.

Зашел старший лейтенант Субботин. Деловая дружба оперативных работников и следователей, как правило,

* В настоящее время В. М. Субботин — дежурный помощник начальника отдела Свердловского ОВД г. Перми.

помогала в каждом деле. И в этом случае Шихарева и Виктор Михайлович были последовательны и единодушны, устанавливая личности и выясняя образ жизни подследственных.

Услышав кличку Егор, старший лейтенант выяснил, что речь идет о Егорове, ранее судимом за кражу государственного имущества. Субботин оформил документы и с участием лейтенанта Владимира Павловича Новикова задержал преступника, провел обыск в его квартире. Среди вещей Субботин обратил внимание на помятый мужской пиджак и осмотрел его карманы. В одном он обнаружил документы какого-то Волкова.

— Чей?

Егоров пожал плечами:

— Не знаю, ребята принесли.

— Запишите в протокол изъятия, — попросил Субботин Новикова.

Работники уголовного розыска еще и представить себе не могли, какие обстоятельства дела откроют изъятые вещи и документы. Тем временем Галина Арефьевна все больше убеждалась, что «дружная» четверка — не случайно оступившиеся люди, а опасные преступники. Ранее судимыми за кражи и ограбления из них оказались трое.

Выяснилось, что в тот же день Егоров и Чемезов в общежитии строителей совершили у одного из жильцов кражу, другого ограбили. Задержанный Шакуров на самом деле оказался Шиховым. В один из вечеров он тяжело ранил ножом двух юношей.

Докладывая о результатах расследования своему начальнику, Галина Арефьевна Шихарева с удовлетворением отметила:

— Молодцы дружинники.

Слава народных дружинников завода известна не только сотрудникам районной милиции. Опыту организации работы этой дружины и ее оперативного отряда нередко приезжают учиться товарищи из других городов и районов области.

В одной только цеховой дружине чугунолитейного цеха состоит около трехсот человек. Среди них большинство коммунистов и комсомольцев, передовых рабочих, ветеранов труда, таких, как шихтовщик А. Н. Мельников, ударник коммунистического труда обрубщик литья С. Я. Руденко и многие другие.

Дружинники цеха ни разу не сорвали выход на дежурство. Решением заводского штаба ДНД им присуждались первые места и денежные премии. За активное участие в охране правопорядка, высокие производственные показатели и дисциплинированность ежегодно большая группа дружинников поощряется Почетными грамотами, значками «Отличный дружинник», дополнительными оплачиваемыми отпусками.

...Константин Иосифович Матвиевский увлеченно говорил о таких коллективах, как дружина чугунолитейного цеха, о планах и задачах всей заводской дружины, об оперативном отряде, о большом внимании, которое уделяют их работе партийный комитет, администрация, профсоюзная организация завода.

Мы видели перед собой энтузиаста, посвятившего свою жизнь людям. Благодаря таким, как Константин Иосифович, и множатся, становятся все сплоченнее ряды народных дружинников.

СОДЕРЖАНИЕ

И. МАЖУРА. ОТ ПОКОЛЕНИЯ К ПОКОЛЕНИЮ	3
Н. ВАГНЕР, Н. РАССУДИХИН. ОГНИ ОПОРНОГО ПУНКТА	9
В. ЧЕСНОКОВ. ЗЕЛЕНый СВЕТ	20
Л. ДАВЫДЫЧЕВ. ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ	28
В. РОСТОВЦЕВ. БУКЕТ ТАВОЛГИ	37
Н. МАКСАРОВ. УЧАСТКОВЫЙ ИНСПЕКТОР	59
О. СЕЛЯНКИН. С ЛЮБОВЬЮ К ЛЮДЯМ	65
И. САДРИЕВ. СРЕДИ РЕБЯТ	72
НИКОЛАЙ ВАГНЕР. ОДИН ДЕНЬ ВАЛЕНТИНА КОНЕВ-СКИХ	79
Н. РАССУДИХИН. НАЧАЛО ПУТИ	89
Н. АНТОНОВ. ПО СЛЕДУ «ВОЛГИ»	98
Г. АНОХИНА. ТРИ ВСТРЕЧИ	108
Н. НИКОЛАЕВ. СТАРШИЙ ЭКИПАЖА	116
Н. ЧЕРНЫШОВ. ХОЗЯЕВА ПРАВОПОРЯДКА	121

ТОВАРИЩ МИЛИЦИЯ

*Очерки
о
пермской
милиции*

Составитель — **Николай Николаевич
Вагнер**

Редактор А. Зебзеева. Художник Н. Горбунов. Художественный редактор В. Верхоланцев. Технический редактор Т. Дольская. Корректоры Г. Борсук, Л. Крамаренко.

Сдано в набор 30/VII 1976 г. Подписано в печать 29.X.1976 г. Формат бум. тип. № 2 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4,0 (усл.-прив. л. 6,72); бум. л. 2,0; уч.-изд. л. 6,242. ЛБ06385 Тираж 30 000 экз. Цена 19 коп., в целлоф. обл. — 27 коп. Темплан 1976 г. Изд. № 8. Зак. 714. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. Карла Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательства, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

- Т50** **Товарищ милиция.** Очерки о пермской милиции. Сост. Н. Н. Вагнер. Пермь, Кн. изд-во, 1976.
125 с.

Сборник очерков о лучших работниках милиции Прикамья, об участии общественности в охране правопорядка.

Т 10903—83 8—76
М152[03]—76

34С33

**Цена 19 коп.,
с припрессовкой пленки 27 коп.**